

ISSN 2413-7898

**ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ**

ВЫПУСК 1 (7)

Тюмень
2017

ISSN 2413-7898

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

**ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ**

01 (07) / 2017

Тюмень
2017

**ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ**

Научный журнал

01 (07) / 2017

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Главный редактор *Шишкин Игорь Геннадьевич*

Зам. главного редактора *Криницкий Александр Ярославович*

Ответственный редактор *Литкевич Юлия Валерьевна*

Редактор *Тиунова Нина Владимировна*

Адрес редакции:

625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19, к. 301

Тел./факс: (3452) 29-70-84, 29-70-49

e-mail: nauka_tgaki@mail.ru

ББК 60.6 +71.0

В 38 Вестник Тюменского государственного института культуры [Текст] : науч. журн. / Тюменский государственный институт культуры ; гл. ред. И. Г. Шишкин ; зам. гл. ред. А. Я. Криницкий ; отв. ред. Ю. В. Литкевич. — 2017. — № 01 (07). — 88 с.

ISSN 2413-7898

В научном журнале «Вестник Тюменского государственного института культуры» представлены результаты научных исследований в области философии, культурологии, филологии и других гуманитарных наук.

В настоящий выпуск журнала вошли материалы I Региональной научно-практической конференции «Современная русская речь: коммуникативные трансформации в условиях XXI века» в честь Международного дня родного языка, в которой приняли участие преподаватели, студенты, исследователи лингвистической проблематики Уральского региона.

Опубликованные материалы представляют интерес для ученых, преподавателей, работников социально-культурной сферы, студентов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся научно-исследовательской проблематикой современного социально-гуманитарного знания.

© Тюменский государственный институт культуры, 2017.

© РИЦ ТГИК (оформление), 2017.

ISSN 2413-7898

ISSN 2413-7898

The Ministry of culture of the Russian Federation
Federal state budget-funded educational institution of higher education
«TYUMEN STATE INSTITUTE OF CULTURE»

**HERALD
OF TYUMEN
STATE
INSTITUTE
OF CULTURE**

01 (07) / 2017

Tyumen
2017

**HERALD
OF
TYUMEN STATE INSTITUTE OF CULTURE**

Scientific journal

01 (07) / 2017

Founder

Federal state budget-funded educational institution of higher education
«TYUMEN STATE INSTITUTE OF CULTURE»

Editor-in-chief *Shishkin Igor Gennadievich*

Deputy editor-in-chief *Krinitisky Alexander Yaroslavovich*

Responsible editor of the issue *Litkevich Julia Valerievna*

Editor *Tiunova Nina Vladimirovna*

Publishing house address:

625003, Russian Federation, Tyumen, st. Republic, 19, office 301

Phone/ Fax: (3452) 29-70-84, 29-70-49

e-mail: nauka_tgaki@mail.ru

ББК 60.6 +71.0

B 38 Herald of Tyumen state institute of culture [Text] : scient. journ. / Tyumen state institute of culture ; editor-in-chief I. Shishkin ; deputy editor-in-chief A. Krinitisky ; resp. edited Y. Litkevich. — 2017. — № 01 (07). — 88 p.

ISSN 2413-7898

In the scientific journal “Herald of Tyumen state institute of culture” presents the results of scientific research in the field of socio-cultural activities, philosophy, cultural studies, museologie and other social Sciences and Humanities.

The content of the journal is directed to scholars, teachers, workers of socio-cultural sphere, graduate students, and a wide circle of readers interested in research issues in contemporary social Sciences and Humanities.

© Tyumen state institute of culture, 2017.

© RIC TSIC (design), 2017.

ISSN 2413-7898

Состав научной редакции журнала
(Тюменский государственный институт культуры)

Акулич Е.М. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Социально-культурная деятельность»

Барыкин А.В. — кандидат филологических наук, научный редактор направления «Филология и лингвистика»

Васильева Е.Н. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Конфликтология»; «Психология»

Вершинин Г.В. — кандидат искусствоведения, научный редактор направления «Изобразительное искусство, архитектура и дизайн»

Гракова Е.В., кандидат педагогических наук, научный редактор направления «Библиотечно-информационная деятельность»

Дёмина Л.В. — доктор культурологии, научный редактор направления «Музыкальное искусство»

Жабровец М.В. — кандидат педагогических наук, научный редактор направления «Театральное, хореографическое искусство»

Захарова Л.Н. — доктор философских наук, научный редактор направления «Культурология»; «Философия и общественные науки»

Шацких Л.В. — кандидат исторических наук, научный редактор направления «Конфликтология»

Приходько И.Н. — кандидат исторических наук, научный редактор направления «Туризм»

Рожко К.Г. — доктор философских наук, научный редактор направления «Философия и общественные науки»

Сезёва Н.И. — доктор искусствоведения, научный редактор направления «Теория и история искусства»

Семенова В.И. — доктор культурологии, научный редактор направления «Музеология и охрана памятников культурного наследия»

The scientific editorial staff
(Tyumen state institute of culture)

Akulich E.M. — doctor of sociological sciences, scientific editor of the column “Socio-cultural activity”

Barykin A.V. — candidate of philological sciences, scientific editor of the column “Philology and linguistics”

Vasilieva E.N. — doctor of sociological sciences, scientific editor of the column “Conflictology”, “Psychology”

Vershinin C.G. — scientific editor of the column “Art, architecture and design”

Grachova E.V. — scientific editor of the column “Library and information activities”

Demina L.V. — doctor of culturology, scientific editor of the column “Musical art”

Gabrovec M.V. — the candidate of pedagogical sciences, scientific editor of the column “Theatrical, choreographic art”

Zakharova, L.N. — doctor of philosophical sciences, scientific editor of the “Cultural studies”; “Philosophy and social science”

Shatskikh L.V. — candidate of historical sciences, scientific editor of the column “Conflictology”

Prihodko, I.N. — candidate of historical sciences, scientific editor of the column “Touring”

Rozhko, K.G. — doctor of philosophical sciences, scientific editor of the column “Philosophy and social science”

Sezewa N.I. — doctor of arts, science editor of the column “Theory and history of art”

Semenova V.I. — doctor of culturology, scientific editor of the column “Museologie and protection of cultural heritage”

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Я.Е. Андреева

- Трудности кросскультурной коммуникации
на занятиях по русскому языку как иностранному** 10

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Е.П. Багирова, Е.Л. Марандина

- К вопросу функционирования фразеологических вариантов
в говорах юга Тюменской области** 16

С.М. Белякова

- Современные русские народные говоры:
новации в функционировании и изучении** 23

А.В. Калабина

- Иностранная лексика в диалектной картине мира
(на материале говоров Голышмановского района
Тюменской области)** 27

Ю.Б. Рытикова

- Основные этапы развития русского (литературного) языка.
Заемствования как «феномен» русской речи** 33

ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л.М. Байдуж

- Стратегии квазиноминаций, реализуемые
в высказываниях с метапоказателем «СКАЖЕМ ТАК»** 42

И.Н. Нехаева

- Проблема взаимосвязи традиции и инновации
в языковой культуре** 49

В.И. Орлова

- Специфика художественной номинации
(на материале повести А.И. Куприна «Яма»)** 54

Н.В. Разумкова

- К вопросу о семантических доминантах
русской языковой картины мира** 61

Д.Д. Тютин

- Речевой имидж регионального политика** 66

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА**

<i>Э.О. Гаврикова</i> Средства выражения оценки в речи геймеров	72
<i>А.В. Тарасенко</i> Влияние современного медиaproстранства на состояние русского языка	76
<i>Ю.С. Сизова</i> Роль культурно-исторической среды в региональных культурных процессах	81
<i>Сведения об авторах</i>	84
<i>Новинки редакционно-издательского центра Тюменского государственного института культуры</i>	85
<i>Требования к материалам, представляемым к публикации в научном журнале</i>	86

**ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Я.Е. Андреева

Y. Andreeva

Тюменский государственный университет

**ТРУДНОСТИ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

**PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION
AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE
FOR FOREIGNERS**

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации, возникающие в связи с различиями в национальных картинах мира. В работе описаны трудности преподавания русского языка в иностранной аудитории, а также определена важность включения страноведческого и регионоведческого материалов в процесс обучения русскому языку как иностранному.

Annotation: The article deals with problems of intercultural communication, the reason of which is differences between national points of view. The article describes difficulties in teaching Russian language for multicultural audience and draws our attention to importance of country and region information for classes.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, кросскультурный подход, инофон, лингвострановедение, регионоведческий аспект.

Key Words: Russian as a foreign language, intercultural communication, cross-cultural approach, foreign students, linguistics, regional studies aspect.

Термин «межкультурная коммуникация», обозначающий процесс общения между представителями различных культур, был введен в мировую науку в 60-е гг. прошлого столетия Эдвардом Холлом. В связи с подкреплявшейся идеологией послевоенного мира, глобализацией экономической, культурной деятельности человечество ощутило острую потребность в развитии коммуникативных компетенций в поликультурной среде, устранении неудач в ситуациях межэтнического взаимодействия. В настоящее время исследования в области межкультурной коммуникации сходятся на том, что ино-

странный язык должен изучаться в неразрывной связи с культурой и мировоззрением народа, говорящего на нем. Таким образом, результатом правильно смоделированного полиэтнического общения является свободный диалог культур, построенный на принципах толерантности и преодоления межнациональных барьеров.

Осознание многокультурности мира и интерес народов Земли друг к другу привели к возникновению кросскультурного подхода, основанного на сравнительно-сопоставительном анализе различных этнических групп. Такой анализ предполагает изучение специфических для определенных языковых сообществ вербальных стратегий, развитие поведенческих и коммуникативных навыков, функционирующих в многонациональной аудитории. В вопросе о проблемах кросскультурной коммуникации возникает понятие «межкультурная восприимчивость». Человек агрессивно относится ко всему чужому: инаковость — это неприемлемая черта для любой культуры. Очевидно, что трансэтническое взаимодействие, особенно если оно протекает с участием абсолютно полярных друг другу систем взглядов на мир, осложнено национальными предрассудками. В связи с этим изучение иностранного языка сегодня — это не только освоение средств передачи информации инофону, но и воспитание понимания и принятия другой культуры.

Полноценные знания об изучаемом иностранном языке невозможно получить без страноведческого и регионоведческого подходов. Неверные сведения об особенностях языка и культуры региона могут привести к конфликтной ситуации. Так, например, в авторитетных учебниках китайского языка, которые издаются в Пекинском университете иностранных языков, в обучающих диалогах представлена форма обращения к женщине 小姐 (xiǎojiě). Однако в Китае 56 народностей, и язык южной части КНР отличается от языка северной. В южных диалектах слово 小姐 означает не «мисс», а совершенно другое — «блудница, женщина вольного поведения». Слово, сказанное в неподходящем месте, может быть даже опасным для человека в новой языковой среде.

Самым противоречивым и сложным компонентом межкультурной коммуникации являются стратегии вежливости, в частности обращения. Здесь проблемы могут возникнуть у представителей большинства стран в общении с носителями русского языка, где вежливо обратиться к человеку следует по формуле «Имя + Отчество». Иностранцы студенты, обучающиеся в России русскому языку, иногда не в силах побороть свою языковую привычку и, исходя из опыта преподавания русского языка как иностранного в Тюменском государственном университете, способны обратиться к преподавателю по фамилии.

«Дорогая Рацен, поздравляю Вас с Новым годом!» (из поздравительной открытки преподавателю Рацен Татьяне Николаевне от студента из Китая Ван Ди).

Также стираются нормы обращения на позициях «учитель — ученик» в связи с неразличением инофонами местоимений ты, вы. Кросскультурные различия проявляются прежде всего в том, какой тип вежливости характерен для данной группы людей. Например, иностранный студент, обучающийся в России, в декабре идет на занятия в университет в легкой куртке и без шапки. Проходящие мимо пожилые женщины принимаются отчитывать молодого человека за то, что он небрежно относится к своему здоровью. Так, предрасположенность русских давать советы и проявлять заботу через назидательные рекомендации большинству иностранцев может показаться невежливой. Многие расценят это как навязчивость и высокомерие, в то время как трудности при обращении по имени и отчеству носители русского языка могут рассмотреть как проявление неуважения.

Межкультурную коммуникацию можно считать обреченной на провал, если участники не осведомлены об особенностях языка и культуры собеседника. Прямые переводные эквиваленты не являются эквивалентами называемого явления в различных картинах мира и могут скрывать существенные культурно обусловленные различия.

В речи носителей китайского языка активно используется глагол 玩儿 («играть»). Китайцы употребляют это слово не только в значении «находиться в игре, резвиться, забавляться», как это происходит в русском языке, но и в значении «проводить время», например: 我们一起去上海玩儿 («Мы едем в Шанхай играть»). В Китае действует культ детства: мудрость Поднебесной гласит, что в одной комнате смогут мирно жить семь лисят, но этот закон неприменим для семи взрослых лис. В русском языке глагол «играть» относится скорее к сфере досуга детей, по отношению к взрослым это слово употребляется редко. В практике преподавания русского языка для китайцев вполне ожидаемо столкновение с таким непониманием. Студент из Китая Ань Ци написала в своем сочинении: «Мне нравятся русские балерины. Когда я буду в Санкт-Петербурге, я хотела бы встретиться с ними и поиграть». Преподавателю РКИ следует знать тонкости восточного мировоззрения, сделать упор на распространение сведений о русской культуре и объяснить, что лексема «играть» в русском и китайском языках обладает разными оттенками значения.

Важным этапом изучения русского языка в поликультурной аудитории является экскурсия, в ходе которой выявляются различия в национальных картинах мира. На одном из занятий по русскому языку как иностранному в Тюменском государственном университете была организована небольшая экскурсия по исторической части города. Иностранные студенты были в недоумении, оказавшись на площади, где горит Вечный огонь. Студент из Франции спросил: «Зачем? Вы знаете, что это причиняет вред окружающей среде?» Другой иностранец, увидев возле тюменского храма человека, про-

сящего милостыню, поинтересовался, зачем мы даем деньги и поощряем его бесполезный образ жизни. Здесь перед преподавателем РКИ стоит сложная задача объяснить инословию, что Вечный огонь — это не нанесение вреда окружающей среде, а память о жертвах войны, что милосердие и сострадание — это две самые главные черты русского православного человека. Просящий подавание у входа в храм является важным компонентом христианской культуры, так как Священное Писание гласит, что милосердие — это самое простое, в чем мы можем стать подобными Богу, это путь к радости. После экскурсии студент Цюй Даньдань описала свои впечатления об экскурсии: «Против моста находится площадь. У нее есть вечный огонь, который греет все время. Хотя зимой есть много снега, но вечный огонь еще греет» (рис. 1). Видно, как зарождается уважение и любовь к России и понимание ее культуры.

Наше государство, взяв курс на укрепление позиций русского языка в мире, поставило перед собой задачу формирования позитивного имиджа России. К сожалению, среди тревожных наклонностей в подготовке учебного материала для иностранной аудитории, изучающей русский язык, наблюдается стремление авторов включать упражнения и диалоги, навязывающие неправильный образ страны. В приложении к статье приведены некоторые из них (из китайских, японских, французских, английских пособий по РКИ) (рис. 2, рис. 3).

Против моста ~~находится~~ находится площадь, у неё есть вечный
огонь, который греет всё время. Хотя зимой есть много снега,
но ~~вечный~~ вечный огонь ещё греет.

Рис. 1

3. — Что вы купили в магазине?
— Я купила водку.
— Вы часто покупаете водку?!
— Ну что вы! Нет, нет. Я только сегодня
купила. Сегодня я сдала все экзамены.
Это же праздник.

прочитать [完] 読んでしまう *се (книга) を *всю ночь 一晩中 трудный
居しい *до конца 最後まで задача 問題 учить [不完] - выучить [完] 覚える
вставать [不完] - встать (встану, встанешь) [完] 起きる рано 早く поздно 遅く
обычно ふだん такこんなに же (直前の語を強調する。ここでは) だって今日は
экзамен 試験 買う [不完] - купить (куплю, купишь) [完] 買う Что вы! と
んでもない, そんな сдать (сдам, сдашь, сдаст, сдадим, сдадите, сдадут) [完]
(試験に) 合格する、(血液などを) 検査に出す

Рис. 2

7. — Чем же ты так избíла свогó мúжа?!
- Сначáла рукáми и ногáми, а потóм — стúлом!
- Так и нáдо. Молодéц! Он сам виновáт!

Рис. 3

Подбор такого материала не способен вызвать уважение к российской культуре, образованию, науке. Иностранец, изучающий язык по данным учебникам, останется на уровне стереотипного мышления, что повлечет за собой сужение сфер употребления русского языка, а затем и ослабление интереса к самой стране. Таким образом, для преподавателя важным критерием его профессиональной деятельности является выбор правильных ориентиров в процессе обучения русскому языку. Через включение страноведческого и регионоведческого материалов в процесс обучения языку мы можем показать иностранной аудитории, что литературное наследие России не только А.С. Пушкин и Ф.М. Достоевский, но и замечательные региональные писатели, такие как Юрий Вэлла, Анна Неркаги, Владислав Крапивин. В руках преподавателя РКИ сосредоточена важная миссия — рассказать всему миру, что в России есть не только Москва и Санкт-Петербург, но и другие города. Наша страна многогранна: по ее территории растянулись леса, тундры, степи, а владельцы загадочной русской души вовсе не те суровые, злые люди, страдающие алкоголизмом. Таким образом, выбирая правильный страноведческий материал, преподаватель подготавливает человека, который способен избежать неудач в межэтническом коммуникативном акте, человека, который не живет стереотипным мышлением и способен преодолевать национальные барьеры.

Библиографический список:

1. Акишина, А. А. Русский язык. Курсы / А. А. Акишина, О. Е. Каган. — Москва, 2015. — 256 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Индрик, 2005. — 1038 с.

**ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА:
ТРАДИЦИИ
И ИННОВАЦИИ**

Е.П. Багирова, Е.Л. Марандина

E.P. Bagirova, E.L. Marandina

Тюменский государственный университет

**К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В ГОВОРАХ
ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**THE QUESTION OF FUNCTIONING
OF PHRASEOLOGICAL VARIANTS IN THE DIALECTS
OF THE SOUTH OF THE TYUMEN REGION**

Аннотация: в работе исследуются некоторые аспекты варьирования фразеологизмов в диалектной сфере функционирования как отражение лингвокреативной деятельности носителей современных русских говоров. На материале тюменской диалектной фразеологии анализируются основные типы формального и семантического варьирования устойчивых выражений.

Annotation: the article is dedicated to some aspects of the variation of the phraseology in the dialect area functioning as a reflection of linguistic and creative activities of native speakers of modern Russian dialects. By the material of Tyumen dialectal phraseology are analyzed the main types of formal and semantic variation in fixed expressions.

Ключевые слова: диалектная фразеология, вариативность, вариант, устойчивость, речевая деятельность, говор.

Key words: dialectal phraseology, variability, variant, resistance, speech activity, local dialect.

В современной лингвистике отмечается неизменный интерес к диалектному фразефонду как специфическому лексическому микромиру, в котором получили свое отражение культурные установки и стереотипы нации, а также все то, что принято называть «духом народа». Особую значимость сегодня приобретают исследования фразеологических вариантов как фактов речевой деятельности носителей современных русских говоров. Изыскания в данной области позволяют уточнить ряд вопросов, оставшихся открытыми для дальнейшей разработки: определение объема дефиниции «фразеологический вариант», описание видов вариаций, выявление специфики их речевого функционирования, установление отношений между понятиями «языковая устойчивость» и «вариантность», «фразеологическая вариантность» и «фразеологическая синонимия».

В настоящей статье отражены некоторые наблюдения над вариантным изменением устойчивых конструкций в старожильческих говорах юга Тюменской области.

Под диалектным фразеологизмом, фразеологической единицей (ФЕ), понимаем территориальный речевой оборот, характеризующийся расчлененной (компонентной) структурой, но целостным (нечленимым) значением, а также воспроизводимостью, устойчивостью и общеизвестностью. Таким образом, к фразеологическим оборотам мы склонны относить не только собственно фразеологизмы (д^ать т^ыгала — «убежать», л^ызки гон^ять — «бездельничать»), но и сочетания, выступающие в роли наречий (никаким р^одом), а также известные в говоре составные названия (богор^одская трав^а — «тимьян ползучий», вып^адошная трав^а — «астра», нер^удной г^од — «неурожайный год») и обрядовую терминологию (с^ор сор^ить, сол^ому мест^и).

Диалектные фразеологизмы, являясь фактом речи, а не языка, воспроизводятся не по традиции, а создаются по воле говорящего со специальной стилистической целью. Очень часто это сопряжено с появлением фразеологических вариантов, адаптированных к определенным языковым нормам, привязанных к месту и времени коммуникации, создающих эффект новизны единицы, а также позволяющих усилить эмоционально-экспрессивные оценки. Вариативность выявляется, как правило, при неоднократном воспроизведении фраземы одним и тем же диалектоносителем или при ее использовании в речи жителей разных населенных пунктов одного или нескольких регионов.

Имеющийся фактический материал является ярким свидетельством того, что в речи диалектоносителей при воспроизведении фразеологизмов формируются их различные варианты, включающие параллельные преобразования в составе одной и той же единицы при сохранении тождественности значений. Широко представленная вариативность ФЕ обуславливается тем, что устойчивые единицы используются в речевых ситуациях, не скованных рамками строгой нормы. Так, например, многие идиомы, отмеченные в тюменской областной фразеологии, связаны вариантными отношениями с разговорно-просторечными оборотами литературного языка. Преобладают здесь лексические варианты, в которых варьируется один элемент: прийти в голову — п^асть в г^олову («Ем^у п^алю в г^олову: дав^ай туд^а по^едем» Ус. Слад.), за ушами трещит — за уш^ами пиш^ит («А сыр^ой гр^усьть-то посол^ить! Аж за уш^ами пиш^ит» Б.-Кря. Омут.), поставить на ноги — подним^ать/подн^ять н^а ноги («Ф колх^озе я не р^обила, по хозяйству был^а д^ома. Роб^ят н^а ноги подым^ала» Кв. Ялут.), ноги не держат — н^оги не н^осят («Вот т^ут вот л^ес-то. Видите? Вон т^ут-то за гриба^ми ходили. А н^оги-то в^еть не н^осят» Брх. Исет.), отбросить копыта — копы^та отд^ать («Гр^ом гр^янул. Челов^ека гр^омом уб^ило в ызб^е. Копы^та одд^ал» Б.-Кря. Омут.) и др. В иных случаях варьирование охватывает оба элемента ФЕ: от зари до зари — от темного до темного/с темной до темной/от светл^а до светл^а («Работала м^ать от темного до темного» Окн. Берд.; «И косил^а с темной до темной» Блг. Вик.; «От светл^а до светл^а работали. Не зн^али ни о^тдыха, ни ср^ока» Окн. Берд.).

Как видно из примеров, в составе перечисленных фразем вариативность порождают по преимуществу глагольные компоненты, составляющие структурную основу этих лексических единиц. Реже в говорах Тюменской области альтернативные ряды могут образовываться за счет варьирования именных компонентов: не в коня корм — не в коня́ овес (Гаев. Исет.), с утра до вечера — с утра́ и до потсмок (Чрв. Тюм.), никаким образом — никаким ро́дом (Н.-Твд. Н.-Тавд.) и др. В функции заменяемого компонента, как видим, может выступать близкое или совпадающее по смыслу слово (трещит — пищит), а также слова, не являющиеся близкими по значению, но семантически объединенные по родовым или ассоциативным признакам (держать — носить, поставить — поднять, прийти — впасть, корм — овес).

В особую группу следует выделить те немногие ФЕ, варьирующийся компонент которых может иметь заметное смысловое расхождение с исходным словом: не к добру — не к веселу (Брх. Исет.), сквозь землю провалиться — сквозь пальцы провалиться (Брх. Исет.), точить балясы — вести балясы (Биз. Тоб.). Как видим, замены на неблизкие лексические варианты не сказываются на смысле фраземы, поскольку семантически главный компонент здесь не изменяется и удерживает основную смысловую нагрузку высказывания. В структуре подобного типа фразеологизмов замещающие компоненты по сравнению с постоянными обладают большей степенью семантической самостоятельности, отчего и весь фразеологизм в целом начинает проясняться, приобретать внутреннюю мотивировку.

Надо сказать, что наблюдаемое явление лексической вариантности обнаруживается не только на уровне нескольких подсистем языка (идиомы употребляемые как в литературном языке, так и в диалектной речи), но и на уровне одной системы (идиомы, употребляемые только в диалектной коммуникации): глядеть Митькой (коситься, глядеть неласково) — смотреть Митькой (Сбч. Аром.), ходить веночком (водить хоровод) — ходить кругом (Ксн. Ваг., Реш. Тюм.), бог/боженька (его) знает — господь (его) знает (К.-Яр Уват.), душная вода (стоячая, непроточная вода) — до́хлая вода (Тюн., Мс., Ант. Н.-Тавд., Быз. Упор., Ув. Уват.) и др. В данном случае в составе диалектных устойчивых сочетаний чаще всего варьируются компоненты, генетически восходящие к словам-синонимам. Примером могут служить лексемы глядеть и смотреть, бог/боженька — господь. Таким образом, тождество обновленных идиом рассматриваемого ряда обеспечивается равенством заключенного в них значения, единством внутренней формы и семантической равнозначностью заменяемых компонентов ФЕ.

Наблюдения за речью диалектоносителей показывают, что лексические замены могут зависеть от многих факторов, например, от ситуации речи, характера адресата, творческих потенций говорящего и креативности его мышления. Так, модификации в сочетаниях тронуться умом — помешаться/мешаться умом — тряхнуть умом отчетливо указывают на усиление степени интенсивности и экспрессивности значения в каждом новом варианте ФЕ. Возникающие версии идиом, таким образом, создают эффект обновления не только содержательного плана устойчивой единицы, но и вызывает у реципиентов новые эмоциональные

ощущения, погружают их в неожиданный контекст: «Он умом тронулся, к нему и не лезут» (Акс. Ярк.); «У нас бабушка умом мешалась» (К.-Яр Уват.); «У меня подружка была как сестра родная. А потом она умом тряхнулась» (Пол. Берд.).

Изменения компонентного состава во фразах могут объясняться и ситуативной избирательностью, передающей неодинаковость в образности мышления диалектоносителей: охотку сбить (утолить желание) — охотку сдернуть — охотку тешить («Ходь бы маленько пожыли вмесьте-то, ходь бы охотку збили» Косм. Ярк.; «Охотку тешить — не беда (не очень много) платить» Косм. Ярк.); что бог даст — что бог приведет («Што боу даст, то и будя» Ник. Слад.; «А эли ково? Эли че боу приведет» Скрд. Исет.); без вести пропасть — без вести погнуть («А другой брат без вести погнул» Сит. Омут.). Кроме того, новые элементы могут соотноситься идиоматическое сочетание с конкретным референтом, с определенной ситуацией и объектом коммуникации: жить в несчастье (жить плохо, в тяжелых условиях) — жить в тягости («Фсе в несчастье жыла» Брх. Исет.; «Ф сорок первом я ее родила. Ф тягости жыла» Брх. Исет.), наносить деток/ребят (родить) — накопить деток («Взамуш вышла, деток наносила и фсе так я живу» Скрд. Исет.; «Ф сорок шестом вышла в замуш, ребят наносила. Четверо сыновей» Мжд. Омут.; «В восемнадцать лед замуш вышла. В мае. Пятеро детей накопила» Зин. Ялут.).

Доказательством того, что вариации в составе устойчивых сочетаний не механические трансформации, а образования с целью изменения характера значения послужит следующий ряд фразем, причина вариативности которых состоит в стремлении актуализировать устойчивую единицу, увеличить ее экспрессивность: грести под себя — грабастать под себя («Он фсе гребет пот себя» Уш. Тюм.; «Знают, што жбсь кончаца, дак грабастают пот себя» Юрга Юрг.), голодом жить — голодом ходить (голодать) — голодом выть («Голодом-эть мы жыли. Че мы эли? Траву собирали да колоски» Онх. Тюм.; «Дак я ходид голодна-то. Так я жыли. Свету бслово не видели. Голодом ходили» Гасв. Исет.; «В войну-то фсяко эли. И голодом были» Гаев. Исет.); семь верст до небес — сто верст до небес («Им бапка наварила сто верзд до небес» Дмт. Омут.) Обновленный фразеологический оборот, таким образом, выступая с иным смысловым значением и иной экспрессивной окраской, привлекает внимание участников коммуникации к идиоме, помогает осмыслить содержание всего речевого отрезка.

Наряду с изменениями компонентного состава в диалектной фразеологии Тюменской области отмечены нередкие случаи формального варьирования, при котором устойчивые единицы, входящие в состав идиомы, отличаются планом выражения при отсутствии каких-либо изменений в плане содержания.

Среди обнаруженных типов варьирования самыми частотными являются словообразовательные или морфемные вариации (видоизменение компонентов в результате замены морфем). В группе зафиксированных фразем данного типа наблюдается ярко выраженная тенденция к суффиксальным вариантам: кукушкины/кукушечьи слезы (ягоды ятрышника пятнистого; Аб. Абат.), боярковые валенки/боярчатые валенки (Анд. Н.-Тавд., Прл. Тюм), деляничное место/делянное место (делянка; В.-Сид. Ярк., Мс. Н.-Тавд.) и др. Чаще всего, это уменьшительно-

ласкательные суффиксы: хлебнуть горюшка/горя (Ост. Слад.), черная/черненькая трава/травка (майский ландыш; Дем. Уват.) головой/головушкой нёт (о том, что полностью отсутствует; К.-Яр Уват., Анд. Н.-Тавд.), во всю головушку/голову (громко кричать; Мс. Н.-Тавд.), под послед/последок (под конец; Блг., Чрн. Вик.) и др. Такое изменение фраземы можно считать оправданным, поскольку говорящий чаще всего обращает свою речь к чувствам и эмоциям слушающего, а суффикс субъективной оценки позволяет подчеркнуть оценочные оттенки фразеологического значения и, в конечном счете, эмоциональную сторону всего сообщения.

Что касается варьирования префиксов, то такие случаи являются sporadическими: хлебнуть/похлебать горя (Брх. Исет.), сердце кровью заливаётся/обливается (Скрд. Исет.), непочатый/нераспочатый край (Реш. Тюм.), обливаться/уливаться слезами (Прл. Тюм.), спит как прибитый /убитый (Юрга Юрг.). Новый префикс в приведенных примерах определяет направление, в котором происходит развитие семантики модифицированной номинации, словообразовательные значения которой определяется также контекстуальным окружением: «Работушки нераспочатой край, то некуда, то недосук» (Реш. Тюм.), «А ана, сердешная, слезами уливалася. На ково, говорит, я вас, сиротинушек, оставлю?» (Прл. Тюм.), «Посытели набьеш саломой и спиш как прибитый. Набегася за кояями да окрут барабана, свет темным какжца» (Юрга Юрг.)

Морфологические изменения фразеологизмов наблюдаются в варьированиях различных грамматических категорий падежа, числа, рода, времени, вида, наклонения: ухо с глазами/глазом (о бойком, проворном человеке; Шад. Каз., Ус. Слад.), на моих памятах (Окн. Берд.) / на моей памяти, идти/шел по стопе (Усп. Тюм.) / стопам; и старой и молодой (Кл. Тюм.) / и стар и млад, ходить/ходил по люди/людям (работать по найму; Вг. Ваг., Крб. Ялут.) и др. Морфологическое варьирование может обуславливаться не только интенцией говорящего (один — много, прошедшее время — настоящее и т.д.), но и имеющимися средствами выражения отдельных грамматических значений в разных говорах. Так, например, различия могут касаться флексий, выражающих один и тот же комплекс грамматических значений: ад акромешной/кромешный (Тюн. Н.-Тавд.), бог его знат/знаат/знает (Ник. Слад.), на ум не падает/падат (Раф. Исет.) В первой фраземе мы наблюдаем распространенный в говорах северо-русского наречия случай замены литературного окончания прилагательных -ый/-ий (м.р., И.п., ед.ч.) на безударный вариант -ой/-ей (ср. дерзкой мужик, старой дуб, синей платок, летней урожай). В двух последующих сочетаниях представлена гамма факультативных вариантов глагольной формы, также распространенная в пределах севернорусского наречия. Эта вариативность — свидетельство живого фонетического процесса, который заключается в утрате интервокального -j-, сопровождаемой дальнейшим процессом ассимиляции и стяжения гласных (знајэт>знáэт>знаат>знáт; падајэт>падаэт>падаат>падат).

Таким образом, материалы выборки говорят о том, что модификация компонентов в результате замены морфем позволяет говорящему усилить структурные и, тем самым, семантические различия между отдельными

единицами фраземы, а также привязать используемый оборот к местным особенностям морфологической системы говора.

Нередко подстройкой под местный вариант национального языка объясняются фонетические вариации идиом, при которых видоизменению подвергается звуковой облик компонента/компонентов фразеологизма. Так, например, консонантные несовпадения в устойчивом сочетании *ячная/яшная мука* (ячменная мука; Анд. Н.-Тавд., Ивл. Ярк., Ант. Н.-Тавд.) мотивированы происходящим в некоторых говорах юга Тюменской области процессом деаффрикатизации смычного согласного Ч, при котором происходит утрата начальной фазы (смычки) с сохранением лишь второй, щелевой фазы (ч = [tʃ] > [ш]). В результате в говоре на месте переднеязычной аффрикаты произносят мягкий глухой фрикативный Ш: *шасто* (часто), *правнушка* (правнучка), *шай* (чай), *дошка* (дочка).

Фонетические различия в устойчивом сочетании *подавать надежды /надежды* объясняются сохранением отголосков восточнославянских процессов в фонетической системе древнерусского языка, а затем и в фонетике современных русских говоров. В данном случае речь идет о реализации праславянского процесса палатализации в результате воздействия [j] на переднеязычный согласный [d], в следствии чего сочетание *dj у восточных славян изменилось в ž через ступень dž (*dj > dž > ž). С этимологической точки зрения древнерусское (и аналогичное ему диалектное) *надежа* есть результат влияния [j] на звонкий переднеязычный [d], который изменился в старославянском языке в сложный смычный звук [жд], а в древнерусском — в фрикативный согласный [ж] (*nadedja > надежа (в др.-русск.) > надежда (ст.-слав.))

В одном хронологическом пласте с вышерассмотренным изменением лежат истоки модификации диалектного фразеологизма *жить по срокам /по сорокам* (наниматься на работу на определенный срок; Млк. Тюм., Ншн. Армиз., Гаев. Исет.). Звуковой вариант слова *срок* появился в результате развившегося на восточнославянской почве изменения праславянского сочетания гласного с плавным *tʏrt (-or-) в полногласное сочетание *tʏrtʏt (-oro-).

Видоизменение звуковой оболочки ФЕ нередко связано с вариантным ударением: *крестовый/крестовой дом* (Рас. Исет., Кмс. Вик., Ивл. Ялут.), *сладкий колач/колач* (морощка, Б.-Сор. Сорок.), *далеко/далеко не родня* (о совершенно разных вещах; о чем-либо, уступающем по качеству; Мед. Гол.) и др. Факты акцентологических вариаций фразем не имеют однозначного объяснения. Как нам видится, в неустойчивости ударения могут обнаруживаться отголоски распавшейся древней акцентологической системы, во многом зависевшей от интонационной и фонетической характеристики гласных звуков, выявляться следы конкуренции книжной церковнославянской риторики и исконно русской народной стихии. Кроме того, смещение акцента может появиться вследствие взаимовлияния территориальных и социально-профессиональных диалектов.

Таким образом, региональное своеобразие фразеологизмов и многообразие их вариантных форм определяется спецификой морфологической и фонетической

систем говор, сохранением отголосков архаических языковых процессов, характером функционирования лексических единиц основного общерусского фонда и территориального, индивидуальными особенностями говорящего и его коммуникативными интенциями, появлением новых устойчивых словесных комплексов, основанных на актуальных для определенной эпохи образах, знаниях и представлениях диалектоносителей. То есть речетворчество в сфере фразеологии большей частью связано с проявлением двух основных тенденций в диалектной коммуникации: а) стремлением максимально сохранить языковую (диалектную) традицию и б) активно впитать в себя языковые инновации, отражающие дух эпохи.

Условные сокращения

<p>1. Абатский район (Абат.)
п. Абатский — Аб.</p> <p>2. Армизонский район (Армиз.)
д. Няшино — Ншн.</p> <p>3. Аромашевский район (Аром.)
с. Слободчики — Сбч.</p> <p>4. Бердюжский район (Берд.)
с. Окунево — Окн.
с. Полозаозерье — Пол.</p> <p>5. Вагайский район (Ваг.)
с. Вагай — Вг.
с. Касьяново — Ксн.</p> <p>6. Викуловский р-н (Вик.)
с. Балаганы — Блг.
д. Комиссаровка — Кмс.
д. Чернышева — Чрн.</p> <p>7. Гольшмановский район (Гол.)
с. Медведево — Мед.</p> <p>8. Исетский район (Исет.)
с. Бархатово — Брх.
д. Гаева — Гаев.
с. Рассвет (Скородум) — Рас. (Скрд.)
с. Рафайлово — Раф.</p> <p>9. Казанский район (Каз.)
д. Шадринка — Шад.</p> <p>10. Нижнетавдинский район (Н.-Тавд.)
с. Андрюшино — Анд.
с. Антропово — Ант.
с. Мияссы — Мс.
п. Нижняя Тавда — Н.-Твд.
с. Тюнево — Тюн.</p> <p>11. Омутинский район (Омут.)
с. Большой Краснояр — Б.-Кря.
д. Дмитриевка — Дмт.
д. Медвежка — Мжд.
с. Ситниково — Сит.</p> | <p>12. Сладковский район (Слад.)
с. Никулино — Ник.
д. Остропятово — Ост.
с. Усово — Ус.</p> <p>13. Сорокинский район (Сорок.)
с. Большое Сорокино — Б.-Сор.
Тобольский район (Тоб.)
с. Бизино — Биз.</p> <p>14. Тюменский район (Тюм.)
с. Килки — Кл.
с. Мальково — Млк.
с. Онохино — Онх.
с. Перевалово — Прл.
д. Решетникова — Реш.
с. Успенка — Усп.
д. Ушакова — Уш.
с. Червишево — Чрв.</p> <p>15. Уватский район (Уват.)
с. Демьянское — Дем.
с. Красный Яр — К.-Яр
с. уват — Ув.</p> <p>16. Упоровский район (Упор.)
с. Бызово — Быз.</p> <p>17. Юргинский район (Юрг.)
с. Юргинское — Юрга</p> <p>18. Ялуторовский район (Ялут.)
с. Зиново — Зин.
с. Ивановка — Ивн.
с. Киево — Кв.
с. Карабаш — Крб.</p> <p>19. Ярковский район (Ярк.)
д. Аксарина — Акс.
с. Верхнесидорово — В.-Сид.
с. Иевлево — Ивл.
д. Космакова — Косм.</p> |
|--|--|

С.М. Белякова

S.M. Belyakova

Тюменский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ: ИНОВАЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ

Аннотация: В статье характеризуется современное состояние русских народных говоров, делается вывод о преобладании экспрессивной и эстетической их функций; дается социокультурный портрет обобщенного диалектоносителя; формулируются новые направления в изучении диалектов (коммуникативное, лингвоперсоналогическое, антропоцентрическое, интегративное).

Annotation: The article characterizes the current state of Russian folk dialects, the conclusion about the predominance of the expressive and the aesthetic of their functions; given the socio-cultural portrait of the generalized dialect speaker are defined; formulates new directions in the study of dialects (communicative, linguophilosophical, human-centered, integrative).

Ключевые слова: русские говоры, лексика, диалектная личность, современные аспекты исследования.

Key words: Russian dialects, vocabulary, dialect identity, the contemporary aspects of the study.

Современные говоры — это сложное явление, статус и перспективы развития которого окончательно не определены нашей наукой. Они значительно отличаются от традиционных говоров — тех, что существовали в XIX — начале XX в. Русские народные говоры и в современных условиях продолжают оставаться уникальным феноменом, сочетающим в себе как чрезвычайно архаические явления, так и отклик на новые реалии. Особенно это касается диалектной лексики. Однако, несмотря на традиционно большое внимание, уделявшееся ей лингвистами, на значительное количество работ, не все явления описаны и обобщены в необходимой мере. Кроме того, в последнее время наметились новые подходы к исследованию диалектной лексики. Частично они вызваны новыми аспектами изучения диалектов в целом.

Разумеется, диалектология по-прежнему остается дескриптивной наукой, поскольку единый в теоретическом плане ее объект на практике дробится на частные объекты, нуждающиеся в подробном описании. Однако вместе с тем мы видим новые, но уже сформировавшиеся

направления исследования, отвечающие современным тенденциям. Среди них коммуникативная диалектология, представленная трудами В.Е. Гольдина и его последователей, а также Томской лингвистической школы (Т.А. Демешкина, Л.Г. Гынгазова, А.Н. Ростова), лингвоперсонология с акцентом на изучение диалектной личности (работы В.Д. Лютиковой, Е.В. Иванцовой, Е.А. Королевой, Е.А. Нефедовой и др.) и антропоцентристская («широкая») семасиология. Последнее направление, изучающее языковые (диалектные) факты в экстралингвистическом контексте, закономерно сближается с этнолингвистическими исследованиями. Не случайно не раз высказывалось предположение, что диалектный язык в большей степени антропоцентричен и антропометричен, чем литературный, так как отражает «наивную» картину мира. Вновь заявил о себе и уже дал некоторые результаты интегративный подход, целью которого стало исследование понятийных категорий в связи с диалектной и — шире — национальной картиной мира (на основе обобщения материала разных русских говоров). Данные, полученные традиционной диалектологией, подвергаются новому осмыслению и интерпретации в свете этнолингвистической направленности нашего языкознания последних лет.

Кроме того, одной из магистральных тем современной диалектологии, как и этнолингвистики, является вопрос существования традиционной культуры в контексте современности, т.е. не только ретроспекция, но и актуальное содержание ее констант, воплощенное в языковых фактах нашей эпохи.

Новой является и реальность, в которой существуют информанты последних двух десятилетий. Современные диалектоносители также представляют собой особый феномен. В связи с этим важным моментом, нуждающимся в специальном освещении и тщательном изучении, является, по нашему мнению, определение и описание основных особенностей современной языковой и социокультурной ситуации в деревне. Это и социальные характеристики (постсоветский период, смена идеологии, отсутствие таких форм коллективного труда, как колхозы и совхозы), и, вероятно, несколько иное психологическое ощущение прожитой и проживаемой жизни у современных диалектоносителей. Информанты нашего времени — это главным образом послевоенная генерация, люди 40–50-х годов рождения, практически не заставшие (или заставшие в виде неких рудиментов) традиционный сельский уклад жизни и воспроизводимый в течение столетий народный менталитет. Это люди, как правило, имеющие среднее образование, на их долю, к счастью, пришлось меньше социальных потрясений, чем на долю предшествующих поколений. Полагаем, что основной плоскостью, в которой должно лежать изучение современных говоров, обусловленное их эволюцией, становится именно коммуникативное направление, хотя, будучи приоритетным, оно не исключает и традиционных подходов.

Исследователи диалектной лексики не случайно смещают акценты при изучении различных ее пластов. Если ранее внимание диалектологов привлекала главным образом нейтральная (собственно номинативная) лексика, то теперь зачастую это слова, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску. Их изучение сопряжено с рядом трудностей, так как исследователь сталкивается с не известной ему лексико-стилистической системой. Многие диалектологи (Т.С. Коготкова, И.А. Оссовецкий, И.А. Подюков) отмечают, что повышенная экспрессия устной разговорной речи, и в особенности речи диалектной («самой разговорной из всех разговорных», по меткому выражению В.Е. Гольдина), формирует довольно обширный фонд лексики, в котором эмоциональное и экспрессивное содержание превалирует над логическим. Экспрессивное слово не столько называет предмет или явление, сколько выражает его оценку говорящим. В экспрессивных названиях отражаются представления народа о морально-этических нормах, основных жизненных ценностях. Это в принципе верно по отношению к любой лексике и фразеологии вообще, однако данный пласт слов — наиболее яркое их отражение. Как известно, эмоционально-экспрессивная лексика содержит главным образом отрицательную оценку человека (в том числе и в разговорной речи литературного языка). Это явление давно было отмечено исследователями, которые пытались дать ему объяснение. По мнению Н.А. Лукьяновой, такая лексика актуализирует социально отрицательные, опасные для общества явления, отклонения от нормы, поэтому данную особенность следует считать языковой универсалией [1]. Так, по ее наблюдениям, сельским социумом осуждаются прежде всего лень, тунеядство, ложь, лицемерие, зазнайство и т.п.; кроме того, отрицательно оцениваются некоторые внешние признаки и физические недостатки: неопрятность, безвкукусность в манере одеваться, чрезмерная полнота или худоба, слишком высокий/низкий рост и т.д. Опираясь на наши материалы, можем сказать, что резко отрицательно оценивается человек, не умеющий или не желающий трудиться, выполняющий работу медленно, плохой хозяин, а также человек нерешительный, колеблющийся. Как считает А. Вежбицкая, в русском языке отражена гиперболизация нравственных оценок — «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [2, с. 44].

В диалектной лексике имеются и слова с положительной оценкой. Они называют такие качества человека, как трудолюбие, ум, деловые свойства, образованность, скромность, общительность, послушание и др.

При образно-экспрессивном наименовании черт характера человека (диалектной личности) основными доминантами выступают понятия «другие люди», «труд» и «вещи», отношение к ним составляет основу народной системы ценностей.

Как показывают исследования последних лет, нейтральная лексика в большей степени подвержена процессу архаизации, вытеснению из активного употребления, замене словами литературного языка. В то же время эмоционально-экспрессивная и образная лексика демонстрирует свою сохранность, частотность в речи сельских жителей не только старшего, но и среднего и даже молодого поколения. Это дает основания предполагать, что при реализации различных функций языка (речи) в современных народных говорах, представляющих собой особую систему коммуникативных средств, оказываются особенно востребованными его экспрессивная и эстетическая функции. При этом наблюдаются тесная связь и взаимообусловленность эстетических предпочтений и этических установок народа.

Значение русских диалектов в истории формирования и развития национального языка исключительно велико. Но и на современном этапе его существования говоры продолжают играть немаловажную роль, сохраняя и поддерживая традиционный пласт культуры. Народная основа, воплощенная в говорах, служит фундаментом национальной русской культуры, что во многом отражено в нашей классической литературе.

Стремительная архаизация традиционной культуры, а следовательно, и лексики, ее отражающей, делает непонятными для молодых людей многие языковые факты и стоящие за ними реалии. В то же время интерес к национальным ценностям и народным традициям продолжает существовать в нашем обществе и даже получает в последнее время новый импульс. Поддержка и развитие этого интереса чрезвычайно важны для нравственного здоровья нации, и немаловажная роль в этом процессе должна принадлежать лингвистам, в том числе диалектологам, непосредственно соприкасающимся в своей работе с сельскими жителями — хранителями русского слова и народного мировоззрения.

Библиографический список:

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996.
2. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления : проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Наука, 1986.

А.В. Калабина

A.V. Kalabina

Тюменский государственный университет

**ИНОСТРАННАЯ ЛЕКСИКА
В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ
ГОЛЫШМАНОВСКОГО РАЙОНА
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**FOREIGN LEXIS IN DIALECTAL PERCEPTION
(BASED ON DIALECT
OF GOLYSHMANOVO DISTRICT TYUMEN OBLAST)**

Аннотация: *В данной статье анализируется современное состояние процессов вхождения иноязычной лексики XX века в говоры Тюменской области. Также рассматриваются причины заимствования говорами иноязычной лексики из литературного языка и варианты приспособления иностранного слова к системе диалектов.*

Annotation: *This article analyzed the process of borrowing lexis of the 20th century in dialects of Tyumen Oblast. Also article considered causes of borrowing foreign languages vocabulary and ways of adaptation foreign lexis to the dialect system.*

Ключевые слова: *заимствование, иностранное слово, говоры, адаптация заимствований, лексические группы.*

Key words: *borrowing, foreign word, dialects, adaptation of borrowings, dialectal, lexical groups.*

Ни один язык в мире не может состоять лишь из собственной исконной лексики. С развитием торговых, культурных связей между государствами, с возникновением в быту человека предметов, пришедших из других стран, с появлением новых сфер деятельности в русский язык на протяжении всей его истории проникали иностранные слова, называющие предмет, явление, профессию.

Главной проблемой при заимствовании слова, морфемы или синтаксической единицы из другого языка является ассимиляция иноязычных элементов с языковой системой языка-реципиента, т.е. подчинение слов грамматическому, лексическому и фонетическому строю заимствующего языка. В современных лингвистических ис-

следованиях отмечается, что приспособление нового иноязычного слова к системе языка-реципиента — процесс сложный, постоянно сталкивающийся с проблемами фонетической, графической и грамматической адаптациями слова.

Входя в систему русского языка, иностранное слово не может обойти стороной и такую языковую подсистему, как диалект, который имеет свои фонетические, грамматические и лексические особенности. Поэтому предметом нашего исследования стало иностранное слово в русских диалектах.

Цель исследования состояла в систематизации и обобщении новых процессов, сопровождающих вхождение иностранных слов в диалектный язык юга Тюменской области.

Для исследования принципов адаптации и использования иностранного слова в системе говоров были взяты:

- 66-й том диалектных записей Голышмановского района 1983 г.;
- 111-й том диалектных записей Голышмановского района 1982 и 1990 гг.;
- 160-й том диалектных записей Голышмановского района 2004 г.

Все тома созданы студентами и преподавателями филологического факультета ТюмГУ. В результате сплошной выборки было обнаружено 160 единиц заимствований, подходящих для данного исследования.

В данном исследовании мы проанализируем иностранные слова, относящиеся к исторической ситуации XX века. Частные случаи заимствований, например, из финно-угорских и татарского языков, в сибирские диалекты не попали в круг исследуемых слов.

Леонид Петрович Крысин отмечает, что процесс заимствования иноязычных слов XVIII–XIX века имел в основе своей устный характер. Исключение составляли лишь частная переписка и художественные тексты. В конце XIX — XX веках ситуация существенно меняется: ведущую роль занимает публицистика, происходит повсеместное распространение газет и журналов [1, с. 72]. Также на систему русского языка оказывают влияние и научные тексты. Таким образом, в систему русского языка посредством письменных жанров активно проникают заимствования, связанные с исторической, политической, экономической мировыми ситуациями.

Сергей Карцевский в труде «Язык, война и революция» отметил, что многие иностранные слова, относящиеся к определенной сфере, становятся впоследствии общеупотребительными благодаря повсеместному использованию: «По существу дело сводится ведь только к тому, что, например, слово “эвакуация”, известное до тех пор небольшому кругу специалистов <...>, теперь становится знакомо демобилизуемым солдатам, возвращающимся домой из Маньчжурии, и через них проникает и в тыл» [2, с. 14].

Указанные выше особенности функционирования иностранного слова имеют место и в русских диалектах.

Заимствуются из литературного языка в говоры Голышмановского района в основном слова, обозначающие бытовые реалии XX века, слова, связанные с животноводством, научно-техническим прогрессом и социальной инфраструктурой. В ходе исследования были выделены следующие тематические группы:

1) лексика, связанная с сельским хозяйством: комбайн, элеватор, трактор, ферма, фабрика, контора и др.;

2) лексика, определяющая человека по специальности и должности: инженер, зоотехник, бухгалтер, фельдшер, диспетчер, экспедитор и др.;

3) лексика, определяющая человека по социальному статусу: хулиган, бандит, партийный, активист, коммунист и т.д.;

4) предметная лексика: радио, телевизор, телефон, автобус, пиджак, пальто и т.д.

Появление перечисленных иностранных слов в русской диалектной системе XX века было связано с кардинальными изменениями в устройстве страны: сменой политического режима, техническим прогрессом, модернизацией деревни.

Также отметим иностранные слова, наиболее часто употребляющиеся диалектоносителями:

Радио. В каждом из случаев слово употребляется в измененной форме:

...у нас рад'иво говор'ит тол'ко в дош (д. Быстрая, 1983, № 66);

Наблюдаем эпентезу губно-зубного звука [в]. Возможно, эпентетическая вставка связана с удобством произношения непривычного сочетания звуков [ио] в заимствованном слове.

Пенсия. Слово часто встречается в речи диалектоносителей. Обычно имеет незначительные фонетические отличия от литературного варианта и является показательным примером лексикализованного различия:

...ои дак уш ја ш'ас на п'енс'и (с. Евсино, 1982, № 111);

...поч'тыл'јон нос'ил п'енз'ииу (с. Медведево, 1983, № 66);

Пальто. В говоре данное неизменяемое слово приобретает различные формы и включается в словоизменительную парадигму:

— форма мн. ч. им. п.: ...пол'та был'и н'е так'ие как ч'ич'ас (с. Медведево, 1983, № 66);

— форма ед .ч. тв. п.: ...пал'том называл'и шубу (с. Медведево, 1983, № 66);

— форма ед .ч. р. п.: ...ран'ше пол'т н'е было (с. Безкозобово, 1982, № 111);

Квартира. Слово в каждом из обнаруженных случаев изменяется в речи диалектоносителей. Встречаются такие варианты, как фатера, хвартира, хватера, квартаера. В данных вариантах пред-

ставлена сложная многоэтапная фонетическая ассимиляция иностранного слова — явление гиперкоррекции ([кв] '[ф]'! [хв]), характерное для говоров.

Отметим и некоторые наиболее показательные случаи функционирования иностранного слова в диалекте.

1. Стоит отметить, что в говоре встречаются случаи одновременного употребления как иностранного слова, так и его диалектного эквивалента. Например, слово козелок, народное название растения алоэ, в разговоре следующим образом поясняется диалектоносителями:

...коз'елок алоие зовут; ...јето коз'елок | по вашему олои.

Таким образом, оба варианта присутствуют в сознании диалектоносителя, а выбор того или иного варианта зависит от речевой ситуации или интенций говорящего.

Также был обнаружен случай употребления вместо известного в литературном языке иностранного слова ветеринар его территориального эквивалента:

...һот уч'илас'а на стотского врач'а.

Данный случай подтверждает тот факт, что иностранное слово не всегда способно свободно войти в диалект. При заимствовании необходим такой иностранный эквивалент, который полностью отразит семантику заменяемого слова или сочетания слов в диалекте.

2. При заимствовании иностранных слов часто происходят изменения в семантике слов. Значение заимствованных слов может сужаться, т.е. заимствующим языком принимаются не все значения, имеющиеся в языке-источнике, или расширяться (в смысловом отношении). В дальнейшем заимствованный лексико-семантический вариант может претерпевать изменения, трансформироваться. Само заимствование спустя какое-то время может приобрести в говоре новое значение:

...а ишо и б'ез оч'коф в'ижу || цены | арт'икулы фс'е разл'ич'аиу. Заимствование артикулы означает в контексте «символы, знаки».

...в ишымск'им рајон'е дожжы иду́т | поч'ему так | х'итраи́а пол'ит'ика. Слово политика было использовано диалектоносителем в значении работы, действия.

3. В говорах исследуемых территорий отмечаются случаи увеличения семантического объема заимствованного слова в таких ситуациях, когда слово выступает как средство выражения экспрессивной оценки: ...мух'и-та ишо м'ишајут вам | их хот' атамом б'еи.

Атом в данном случае приобретает значение «химикат, средство от мух», то есть в говоре отмечен переход от видового значения к родовому, сопряженный с утратой смысловых элементов, иначе говоря, происходит увеличение семантического объема. Аналогичный случай расширения семантики слова обнаруживаем в следующих примерах:

...в'енк'и в воду бросал'и да куклу ф троицу | соб'ирамс'а фс'еи артел'ю. Артель здесь означает «компания, группа людей (девушек)»;
 ...фс'о јес' | к'ина н'ет плохо | рад'иво н'ет. Кино в данном контексте используется диалектоносителем в значении «телевизор»;
 ...у м'ен'а т'ат'а был | фс'е кн'иг'и ч'итал бол'шые | псалтыр' || хорОша грамота у иево была. Слово грамота употреблено в значении «образование».

4. В говорах распространены слова, отличающиеся от литературных словообразовательной структурой, например:

...посл'е об'еда ф'ермач'и јет'и же оп'ат' кос'ил'и; фермачи в данном случае равноценно литературному «фермеры»;

...зашл'и банд'иты и кр'икнул'и | выдаит'е нам исполкомшыкоф; слово исполкомщик имеет литературный вариант «член исполкома» либо разговорное «исполкомовец».

Данное исследование дает нам право сформулировать ряд следующих выводов.

Займствование не всегда подвергается формальному изменению в говорах. В большинстве случаев это говорит о полной ассимилированности его в системе русского языка, т.к. слово приходит в диалект через литературный язык (мотоцикл, телефон, организация и т.д.). Однако даже полная ассимиляция не может уберечь займствование от трансформации. Связано это с живым характером диалектной самобытной речи, т.е. с отсутствием у говорящих стремления к соблюдению норм русского литературного языка.

Судя по имеющимся у нас материалам, сложное для освоения диалектоносителями слово чаще всего приобретает в говоре другое значение. Объясняется это спецификой семантического развития, формированием семантических связей слова в новой системе, его функционированием в различных контекстах. Существенной особенностью лексической семантики иноязычных слов является то, что в момент займствования они, как правило, представляют собой моносемные единицы.

Исследование доказывает, что сложно классифицировать слова с различиями. Редко попадаются закономерные изменения, наблюдающиеся в ряде иностранных слов. Более того, в некоторых случаях семантика слова даже в рамках одного текста может существенно варьироваться. Значит, нельзя сказать, что диалектные различия иностранного слова имеют систематический характер.

Таким образом, исследование лишь доказывает тот факт, что адаптация нового иностранного слова — сложный и долгий процесс. Однако огромное влияние на диалектоносителей оказывает литературный язык, который становится доступным благодаря средствам коммуникации и связи, которые активно вводятся на территории всей страны.

Библиографический список

1. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
2. Карцевский, С. И. Язык, война и революция / С. И. Карцевский. — Берлин : Рус. университет. изд-во, 1923. — 72 с.

Источники:

1. Филологический факультет ТГУ. Диалектные записи. Голышмановский р-н. Т. № 65, 1983.
2. Филологический факультет ТГУ. Диалектные записи. Голышмановский р-н. Т. № 66, 1983.
3. Филологический факультет ТГУ. Диалектные записи. Голышмановский р-н. Т. № 111, 1982–1990.
4. Филологический факультет ТГУ. Диалектные записи. Голышмановский р-н. Т. № 160, 2004.

Ю.Б. Рытикова

Y.B. Ritikova

Тюменский государственный институт культуры

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО
(ЛИТЕРАТУРНОГО) ЯЗЫКА.
ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК «ФЕНОМЕН» РУССКОЙ РЕЧИ**

**MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
(LITERARY) LANGUAGE. ADOPTIONS
AS A “PHENOMENON” OF THE RUSSIAN SPEECH**

Аннотация. В данной статье исследуется влияние таких факторов, как безграмотность, обшечная лексика и заимствования, на развитие русского языка. Автор последовательно рассматривает различные этапы развития русской речи со времен Древней Руси до настоящего времени, отмечая влияние социально-политических и культурных изменений на состав лексики и связанные с этим проблемы сохранения культурной идентичности и богатства родного языка.

Annotation. In this article, the influence of factors such as illiteracy, obsolete vocabulary and borrowing on the development of the Russian language is examined. The author is consistently examining the various stages of the development of Russian speech from the times of Ancient Rus to the present time, noting the influence of socio-political and cultural changes on the composition of vocabulary and the related problems of preserving the cultural identity and richness of the native language.

По мнению ведущих филологов, в области русской речи произошло землетрясение, а если учесть наплыв новой лексики, то можно говорить и о потопах. То, что фиксировалось как изменение строя: распад СССР, перемены в структуре общества, миграция населения, новая фаза научно-технической революции и т.д., — имело и свое языковое измерение.

У развития языка немало движущих сил, но невежество — одна из основных. Язык развивают недоучки. Фонетические перспективы во многом определяются лицами, не умеющими правильно поставить ударение. Причем зачастую социальный статус этих носителей очень высок. Невежество касается не только неправильной постановки уда-

рений в словах, но и неправильного произнесения самих слов, неправильного употребления слов с точки зрения значения.

Следующая проблема — употребление ненормативной (обсценной — нецензурной, бранной) лексики. К концу восьмидесятых годов прошлого века полноводной рекой ненормативная лексика потекла на страницы периодических изданий, художественной, в большей или меньшей степени, литературы. На радио, на телевидении — в лучшем случае прикрываясь «пиканьем», — эта лексика стала вполне своей. Использовались матерные слова до перестройки? Да. Знала ли советская общественность о наличии у мужчин и женщин половых органов? Да. Чем же, спрашивается, был вызван ажиотаж? Возможностью нарушения табу. Такой табуированности бранной лексики, как в Советском Союзе, не было ни в одной из западных культур — также, впрочем, как и постоянной готовности ее использовать.

А что же до современной разговорной речи, то это явление как будто в порядке вещей; но сейчас ненормативная лексика, которую мы слышим постоянно, напоминает голого человека в бане, который вызывает все, кроме удивления. Также появилось много криминальных словечек, которые осели, прижились и употребляются в современной русской речи.

Еще одна проблема, которая вызывает беспокойство, — это СМИ, в частности телевидение. Это и понятно: новые факты русской речи посредством телевидения распространяются мгновенно. Был ли телевизор при советской власти? Да, был, но другой. Был телевизор с Игорем Кирилловым, чьих орфоэпических высот вряд ли кто из нас достигнет. В том телевизоре у неправильностей не было никаких перспектив. И дело даже не в нынешнем обилии прямого эфира, ограничивающего контроль над правильностью речи. Отношение к выходу в эфир было другим.

Да, с прямым эфиром появилось больше искренности. Но эта искренность не всегда соизмерима с теми потерями, которые мы понесли в области культуры речи. И случайно попадая на многочисленных ведущих шоу, осознаешь это в полной мере. Говоря о телевидении и радио, можно вспомнить и о песенном творчестве наших соотечественников: Баста, Шнур и др.

Говоря о проблемах современной русской речи, нельзя не сказать о важнейшем двигателе безграмотности письменной речи — о компьютере. Посмотрите на язык чата: он сплошь состоит из назывных предложений и междометий. А у детей вырабатывается привычка писать именно так. Никто не предлагает переписываться гекзаграммом. Достаточно помнить о существовании, допустим, придаточных предложений. Уже одно это не позволит речи быть убогой.

И наконец, самая трепетная проблема нашего родного языка — это влияние на русский язык со стороны других языков, а именно заимствования.

Для того чтобы проследить историю заимствований, предлагаю рассмотреть некоторые этапы развития русского языка.

Началом пути древнерусского языка считают образование Киевской Руси (IX век). В это же время Кирилл и Мефодий изобретают первую славянскую азбуку. Славянский язык стремительно развивался и по уровню популярности сравнивался с греческим и латинским. Именно старославянский язык (предшественник современного русского) сумел объединить всех славян, именно на нем писали и издавали важнейшие документы и памятники литературы. Например, «Слово о полку Игореве».

Автор не будет упоминать обо всех этапах развития русского языка, выделим наиболее важные этапы, которые повлияли на развитие языка в целом и на развитие литературного языка в частности.

Одним из важнейших этапов развития языка является Петровская эпоха.

Общеизвестно, что Петр I был великим реформатором, и эти реформы не могли не повлиять на развитие русской речи. Ведь именно в это время русский язык освобождается от «опеки» церкви: в 1708 году реформировали азбуку, чтобы она стала ближе к европейскому образцу, и с этого же года все светские книги стали печатать новой азбукой, которая получила название «гражданской» (т.е. светской).

Показательно, что сам Петр I и его соратники выступали за светскость литературного языка, против засорения языка художественной и научной литературы церковно-книжными элементами. В петровское время зародилась и получила первоначальное развитие любовная лирика. В силу своей поэтической специфики она не могла целиком ориентироваться на повседневно-бытовой разговорный язык. Ей нужны были яркие, выразительные слова, красочные образы, наконец, требовалась определенная ритмическая и строфическая организация языка. В поисках новых художественных средств первые русские поэты-лирики обратились: во-первых, к устной народной поэзии, и прежде всего к песням, во-вторых, к имеющейся уже панегирической поэзии, и наконец, к классической и современной западноевропейской поэзии.

В петровское время появляется большое количество словарей. Это были главным образом иностранно-русские и русско-иностранные словари, необходимые для переводов иностранных книг, изучения иностранных языков, а также для правильного понимания заимствованных в то время иностранных слов. И этих слов было немало. В основном эти слова были немецкого, голландского, французского происхождения, так как имели непосредственное отношение к развитию мореходства, дипломатических отношений, научного прогресса. Они прижились и остаются в нашем языке по сей день. Эти слова используются в разговорном, деловом, литературном языках.

Надо сказать, что мода на иностранные слова, распространившаяся среди части дворянства, вела к злоупотреблению иностранными

словами, к употреблению их без надобности (что характерно и для нашего времени). Многие деятели той эпохи выступали против засорения русского языка ненужными иностранными словами, против неграмотного, неправильного употребления иностранных слов. Отсюда видно, что проблема правильного употребления иностранных слов в русском языке возникла еще в Петровскую эпоху; тогда же началась и борьба против ненужного употребления иностранных слов.

Петровские преобразования сопровождались серьезными изменениями в нравах, в быту, коснулись практически всех сфер общественной жизни и проходили под влиянием западного образа жизни. После первого визита за границу у Петра Алексеевича возникла идея перенести из Европы в Россию обычаи, традиции, формы развлечений и общения.

Таким образом, реформы изменили социальное положение привилегированного класса в сторону Запада, а жизнь низших классов — в противоположном направлении — к Востоку. Преобразования в сфере быта и культуры формировали условия для развития просвещения, науки, литературы. Однако многие европейские ценности и стереотипы переносились насильственным и механическим путем. Это создавало существенные препятствия для полноценного развития исконно русской культуры, основанной на древних национальных традициях.

Подводя черту под этим этапом, надо сказать, что вторая половина XVII — начало XVIII века в истории русского языка является периодом, когда разрушение старой системы представляло собой господствующий процесс, а становление новой только намечалось. Этим и определялось развитие языка: смешение книжно-славянских и народно-разговорных элементов, сочетание старых и новых средств и приемов словесного выражения, неупорядоченность и бессистемность в употреблении старого и нового, своего и чужого.

Процесс нормализации русского (литературного) языка был сложным и длительным. Он заключался в постепенном утверждении русского разговорного языка как основы литературного языка с одновременным вовлечением определенной части структурных и художественно-изобразительных средств, элементов «делового языка» и некоторых лексических и синтаксических западноевропейских заимствований, в отборе и упорядочении всех этих элементов и средств. Закончился этот процесс лишь в первой половине XIX в., но непосредственное начало его относится к концу петровского времени и началу следующего этапа в истории русской литературы и русского (литературного) языка — к периоду классицизма, который с полным основанием можно назвать Ломоносовским периодом.

Великий филолог, писатель Михаил Васильевич Ломоносов в своем научном и литературном творчестве заложил новые нормы русского языка, объединив все, что было до этого: разговорную речь, на-

родную поэзию и даже приказной язык. «М.В. Ломоносов спас русский язык от чуждых ему влияний и указал единственный правильный путь для развития — путь сближения литературного языка с народным языком» [4, с. 48].

Следующим этапом в развитии русского (литературного) языка считается так называемый Пушкинский период.

Огромный вклад в развитие нашей речи внес А.С. Пушкин, который отвергал все ограничения по стилю и комбинировал русские слова с некоторыми европейскими, чтобы создать полноценную и красочную картину русского языка. Именно с языковой реформы великого поэта ведет свою историю современный русский литературный язык.

«...Мы любим муз чужих игрушки, Чужих наречий погремущки, А не читаем книг своих...» (А. Пушкин).

В этой связи важно отметить, что наш язык неоднократно подвергался опасности. И тогда под вопросом стояло будущее языковой культуры страны. Например, на рубеже XVIII–XIX веков представители элиты общества предпочитали изъясняться на французском языке, одевались в соответствующем стиле, и даже меню состояло только из французской кухни. Дворяне постепенно стали забывать родной язык, перестали связывать себя с русским народом, приобретая новую философию и традиции.

В результате такого внедрения французской речи Россия могла потерять не только свой язык, но и культуру. К счастью, положение спасали гении XIX века: Пушкин, Тургенев, Карамзин, Достоевский. Именно они, являясь настоящими патриотами русского языка, не дали ему погибнуть. И именно они показали, насколько он красив.

Эти два периода — ломоносовский и пушкинский — более чем благополучные периоды в развитии русского (литературного) языка.

Первая мировая война, революция и Октябрьский переворот 1917 года, Гражданская война... Естественно, все эти потрясения повлияли не только на общественно-политическую сферу жизни, но и на языковое пространство.

Широкое распространение получают аббревиатуры (так принято обозначать слово, созданное путем усечения и соединения ряда слов). Начало аббревиатурного бума — как за границей, так и у нас — принято относить к рубежу XIX–XX веков. Аббревиатуры нередко стали использоваться телеграфом с его системой сокращений слов. Но и без телеграфа дело в этой сфере развивалось быстро. Эта словообразовательная модель оказалась в высшей степени продуктивной и показала себя в полной мере после Октябрьского переворота. И это не случайно, потому что новая жизнь требовала новых слов.

Впоследствии рождение новых аббревиатур имело разную интенсивность, но никогда не останавливалось. И наше время не исключение. По мнению филологов, аббревиатуры с точки зрения грам-

матики являются словами, но словами-инвалидами: безрукими, безногими, бесполоыми...

Зачем же создаются аббревиатуры? По мнению некоторых филологов, в основе этого явления лежит принцип языковой экономии. Употребление аббревиатур в наше время — это стремление разгрузить речь (у нас мало времени на долгое говорение). Они вошли в наш язык так прочно, что вопрос об их необходимости бессмысленно даже поднимать. Подобно иноязычным заимствованиям, аббревиатуры в нашем языке не являются чем-то незаконным. Это один из путей развития языка, который невозможно, да и не нужно закрывать. Но проникновение новых слов должно быть контролируемым, и сейчас это актуально как никогда.

Следующим этапом развития русского языка была советская эпоха.

Нужно сказать, что советское общество, советское государство прошли большой путь развития, и все особенности этого развития накладывали свой отпечаток и на пути развития русского языка, на разные его стороны.

При характеристике русского языка XX в. следует разграничивать два периода: с октября 1917 г. по апрель 1985 г. и с апреля 1985 г. по настоящее время.

Октябрьская революция 1917 г. приводит к ломке всего старого, происходят коренные преобразования в государственном, политическом, экономическом устройстве страны. Этим обусловлен целый ряд процессов, происходящих в русском языке.

С одной стороны, уходит со сцены старая государственная, административная, судебная, церковная, финансовая терминология. Уходит и многообразная лексика, связанная с общественными и бытовыми отношениями капиталистического общества. Выходят из употребления слова, специфические для буржуазно-дворянского или интеллигентного обихода.

С другой стороны — появление новых органов власти, создание новых общественных организаций, изменения в экономике, культуре — все это сопровождается рождением новых слов, и эти слова, как правило, и есть те самые аббревиатуры, о которых было сказано выше.

Происходили и наиболее сложные процессы в развитии языка, такие как слияние и взаимопроникновение.

Начинается процесс отмирания местной, обычно дифференцированной по говорам лексики, связанной со старыми формами культуры и быта; она заменяется или пополняется общенародной лексикой социалистической культуры, социалистических общественно-политических отношений и социалистического быта. Сюда же примыкает и процесс исчезновения в территориальных диалектах той лексики, которая отличает диалект от общенародного языка. Словарный состав территориальных диалектов постепенно идет к слиянию со словарным составом общенационального языка.

Общепонятный язык (в его литературной форме) впитывает в себя новые соки из диалектной речи. Народные говоры служат богатейшим источником для создания выразительных лексических средств литературного языка, языка художественной литературы. Взаимодействие общепонятного языка с диалектами распространяется практически на все стороны языка — грамматическую, произносительную.

Изменилась и сама форма взаимодействия общепонятного языка и диалектов, потому как современные носители общепонятного языка, представители народной интеллигенции, — часто сами вчерашние носители территориальных диалектов. Просеивая свою речь сквозь сито литературных норм, они постепенно, незаметно приносят в общепонятный язык красоту народной речи.

Рассмотрим последний период развития русского языка, который продолжается в настоящее время.

За свою многовековую историю русский язык не испытывал таких значительных преобразований, как в XX столетии. Это связано с коренными политическими, экономическими и культурными изменениями, которые происходили в государстве. Россия пережила два крупных потрясения: русскую революцию 1917 г. и перестройку 90-х годов.

Перестройка привела к распаду СССР, образованию Российской Федерации как самостоятельного государства, демократизации общества, утверждению гласности, открытости межгосударственных связей, что опять повлекло за собой ряд серьезных языковых последствий. О некоторых из них мы говорили выше и остановились на влиянии других языков на русский язык, а именно о наплыве заимствований.

Как относиться к заимствованиям? Насколько это опасно?

Прежде всего следует отдавать себе отчет в том, что иноязычное влияние — один из главных источников развития любого языка. Борис Васильевич Казанский, языковед прошлого столетия, в своей книге «Приключения слов» утверждал: «Русский язык на две трети полон заимствований, да и из остающейся трети значительная часть слов не имеет прав на русское происхождение, хотя нельзя установить их заимствования. Но и немецкий, и французский, и английский языки столь же пестры по составу своего словаря. И в этом нет ровно ничего обидного для самолюбия. Заимствования неизбежны с развитием культуры, с усвоением новых вещей. До открытия Америки у нас просто не могло быть таких понятий, как картофель, табак, ананас, томат, маис, какао, шоколад; мы не могли знать, что такое аллигатор, ягуар, пума, а также томагавк, вигвам, гамак, каучук и мокасины [5].»

Опасение вызывают не иностранные слова сами по себе — их в нашей речи сколько угодно, — опасение вызывают необоснованность и неумеренность, неожиданность и ненужность огромного коли-

чества иностранных слов. Нужна разумная пропорция между лексикой русской и заимствованной. Одним словом, нужна мера. Ведь любой человек согласится, что для многих иностранных слов найдутся русские эквиваленты.

В научной, публицистической литературе современный русский язык называют интеррусским языком, германо-романо-русским, англо-русским сленгом, а то и кратко — русангл.

Да, мы не первые и не единственные, кто попал в подобное положение. Беспрецедентное влияние английского языка отражает доминирование США в мире. Хочется надеяться, что постепенное избавление нашей страны от комплексов собьет волну заимствований. Неужели та культура, которую мы создали, не позволяет нам быть самодостаточными?

Следует помнить, что сохранение нашей речи — это сохранение нас самих.

«Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

И.С. Тургенев

«Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

В.Г. Белинский

Библиографический список:

1. База авторских статей FB.ru. Как развивался русский язык. Формирование русского языка [Электронный ресурс]. — Москва, 2014. — URL: <http://fb.ru/article/157901/kak-razvivalsya-russkiy-yazyik-formirovanie-russkogo-yazyika>
2. Водолазкин, Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка : эссе / Евгений Водолазкин. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 384 с.
3. География. Biofile.ru. Преобразования русского языка при Петре I [Электронный ресурс]. — URL: <http://biofile.ru/his/31743.html>
4. Горшков, А. И. История русского литературного языка / А. И. Горшков. — Москва : Изд-во «Выш. школа», 1969. — 366 с.
5. Электронная библиотека E-Libra. Казанский, Б. Приключения слов [Электронный ресурс]. — URL: <http://e-libra.ru/read/242243-priklyucheniya-slov.html>

**ОНТОЛОГИЯ
ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

Л.М. Байдуж

L.M. Bayduzh

Тюменский государственный университет

**СТРАТЕГИИ КВАЗИНОМИНАЦИЙ,
РЕАЛИЗУЕМЫЕ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
С МЕТАПОКАЗАТЕЛЕМ «СКАЖЕМ ТАК»**

**THE QUASI-NOMINATIONS STRATEGIES
REALIZED IN STATEMENTS
WITH THE EXPRESSION «SKAZHEM TAK» (SAY)**

Аннотация: В статье анализируются ситуации употребления метапоказателя скажем так, включаемого в высказывание «при желании говорящего обозначить неточность собственной формулировки», т.е. вводящего квазиноминации. Выявляются наиболее распространенные речевые стратегии квазиноминаций: стратегия эвфемизации, стратегия снятия пафосности высказывания, стратегия поиска речевого разнообразия и др.

Annotation: This paper deals with the analysis of usage of the expression «skazhem tak» (say), included in the statement «pri zhelaniyi govoryaschego oboznachit' netochnost' sobstvennoi formulirovki» (if the speaker wants to indicate inaccuracy of his/her own wording), which is used to introduce the so-called quasi-nominations. We identify the most commonly used speech strategies of quasi-nominations, which are as follows: 1) the strategy of using euphemism, 2) the strategy of decreasing enthusiasm for a statement, 3) the strategy of searching for speech diversity and others.

Ключевые слова: вводные слова, метапоказатель, правила речевого поведения, речевые стратегии, эвфемизм.

Key words: parenthetic words, meta-expression, rules of speech behavior, speech strategies, euphemism.

Как известно, условием успешности коммуникативного акта является неукоснительное следование «подсознательно известным любому носителю языка» правилам речевого общения [10, с. 225], которые «направлены, с одной стороны, на формирование позитивного имиджа автора, а с другой — на охрану интересов адресата» [12, с. 267]. Однако в речевой практике эти правила могут по тем или иным причинам нарушаться говорящими, и этот факт должен

определенным образом фиксироваться в высказывании. Например, «когда говорящий осознает, что ему не удалось найти достаточно точное языковое средство (нарушение требования находить самые точные выражения. — Л.Б.), принято использовать вводные конструкции *так сказать, если можно так сказать, если можно так выразиться* <...>» [10, с. 227].

Упомянутые М.Ю. Федосюком вводные единицы, наряду с многими другими, список которых является практически неограниченным, квалифицируются в учебниках и грамматиках как слова, характеризующие «приемы и способы выражения мыслей, авторские оценки сообщаемой информации с точки зрения точности, образности, правдивости, серьезности и т.д.» [6, с. 127], объектом оценки которых «может быть словесная форма, стиль, манера изложения, композиционная и смысловая организация сообщений» [5, с. 505]. Характеризуя различные виды отношения говорящего к форме своего высказывания, т.е. содержащуюся в нем метатекстовую информацию, Т.В. Шмелева отмечает: «Особым правом автора оказывается выражение своего отношения к собственному высказыванию, что дает основания говорить о метасмыслах модуса. Их появление вызвано ощущениями автора, что его могут неправильно понять, неверно оценить его выбор тех или иных языковых средств, речевой манеры. Он стремится предупредить читателя, прокомментировав свое авторское поведение» [12, с. 267]. Одним из способов такого комментирования и является исследуемое нами вводное сочетание *скажем так*, часто встречающееся в языке СМИ, однако не упомянутое до сих пор ни в одном перечне единиц указанного разряда. Приведем единственную обнаруженную нами словарную статью, посвященную этой единице, общую для нее и сочетания *так скажем*: «ТАК СКАЖЕМ, СКАЖЕМ ТАК, предложение; разг. 1. Употребляется в качестве вводного при желании говорящего обозначить неточность собственной формулировки: Здоровому, так скажем, каприз, потому его сиятельство может ведь свои резоны иметь... а больному горе (А. Грин); <...> Понимаете, все дело в том, что в вашем вопросе содержится подтверждение, что журнал “Форбс” имеет научный механизм, скажем так, оценки состояний. 2. Вводное, в ослабленном лексическом значении используется как слово-паразит: Я, так скажем, рад вас приветствовать у себя, так скажем, дома; Это я, скажем так, не про вас» [9, с. 375–376]. Оставляя за рамками данной статьи обсуждение темы «слов-паразитов», а также общего и различного в употреблении метапоказателей *скажем так* и *так скажем*, попытаемся определить, в чем состоит «неточность собственной формулировки», о которой говорящий информирует адресата своего сообщения, помещая рядом с выбранной им номинацией метапоказатель *скажем так*, тем более что точно такая же характеристика дается в данном словаре и таким семанти-

чески разноплановым вводным единицам, как *образно говоря, так сказать, условно говоря, грубо говоря*. Базой для нашего исследования послужили ресурсы двух корпусов — основного и газетного — Национального корпуса русского языка (за недостатком места мы опускаем выходные данные источников примеров).

Как показал анализ материала, метапоказатель *скажем так* употребляется в ситуациях самого широкого диапазона, имеющих разную природу и объединяемых тем, что во всех них говорящим выбрана номинация предметов, действий или признаков, являющаяся не единственно возможной и в какой-то степени вынужденной, в силу разных причин. Мы рассматриваем такие номинации как «квазиноминации», выбор которых обусловлен разными коммуникативными стратегиями (ср.: [3; 8, с. 75]). Наиболее отчетливо прослеживаются, на наш взгляд, следующие три стратегии.

1. Стратегия эвфемизации. «Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно “упаковать” предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [8, с. 75]. «Эвфемизм и соответствующее прямое наименование создают ситуацию обязательной двуимённости предмета. В этом плане эвфемия представляет собой конситуативно обусловленную замену имени», — отмечает автор [8, с. 24]. В своей монографии «Эвфемизмы в лексической системе русского языка» он представил «функционально-тематическую» классификацию эвфемизмов, в которой выделены 8 групп: 1) пугающие явления как объект эвфемизации; 2) бытовые эвфемизмы; 3) эротические; 4) этикетные; 5) маскирующие эвфемизмы; 6) непрестижные профессии; 7) непрестижные имена; 8) модальные типы эвфемии (шутливые эвфемизмы и иронические эвфемизмы) [8, с. 100–162]. Отмечая, что данная классификация лишена единого основания, на что обращает внимание и сам автор [8, с. 153], воспользуемся ею для представления нашего материала, в котором наиболее частотны «этикетные» и «маскирующие» эвфемизмы.

«Этикетные эвфемизмы используются, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. <...> Во всех подобных случаях эвфемистической замене подвергаются слова вполне приличные, однако, с точки зрения говорящего, обидные для того, о ком идет речь» [8, с. 118]. «Осторожно оцениваются психические или интеллектуальные свойства личности, например: человек тонкого душевного устройства (РР) *вм. нытик*» [8, с. 119], внешность, комплекция, возраст человека. Приведем примеры из нашего материала: (1) На самом деле всё гораздо проще: в силу интеллектуальных, скажем так, особенностей некоторые люди просто не могут воспринимать никаких идей, кроме самых примитивных; ср.: в силу тупости, умственной неразвитости и т.п.; (2) — И вы еще находите странным, что региональный инспектор по

защите прав ребенка заинтересовался вашей школой? Я вот странным нахожу скорее то, что мы так долго спускали все на тормозах... Но в этом я подозреваю, скажем так, недальновидность отдельных своих коллег; ср.: головотяпство; (3) Родные Олеси, простые украинские работяги, были, скажем так, несколько озадачены, когда на пороге их квартиры возник классический африканец с букетом и ослепительной белозубой улыбкой; (4) <...> я решила обыграть контрастность наших фигур: Виктория — худенькая, тоненькая, как тростиночка, а я, скажем так, несколько другой комплекции; (5) Если наука может помочь родить качественных детей, скажем так, не юной маме, то я восхищаюсь такой наукой.

К этикетным эвфемизмам относятся также случаи мягкого выражения отрицания и отрицательных оценок различных объектов, их качеств; например: (6) Правда, сторонники вибро говорят в ответ, что под эксперимент выделили, скажем так, не совсем кондиционные оболочки.

«Довольно значителен в русском языке пласт эвфемизмов, используемых, по определению Н.С. Араповой, “с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого”»: 1. Маскирующие эвфемизмы (назовем их так) предназначены для “лакировки” осуждаемого предмета. <...> Широким полем для применения маскирующих эвфемизмов является тема воровства: позаимствовать, не вернуть, присвоить чужое имущество, утащить и др. (вместо украсть): <...> Половодов не забывал и себя при расходовании земских сумм (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы)» [1, с. 590], [8, с. 125]. В нашем материале этот тип представлен довольно активно: (7) Кто знает, что идеи великого Корбюзье, скажем так, «позаимствованы» у русского конструктивиста Гинзбурга?; (8) Да и сами инновации (за редким исключением) были в большинстве случаев «подсмотрены», скажем так, «на стороне». К этому же типу отнесем встретившиеся в нашем материале номинации ситуаций пьянства, лжи или «привирания»: (9) Он сидел рядом с женой и трехлетней дочкой в весьма, скажем так, расслабленном состоянии; (10) Потому многие сведения о Фрунзе, устоявшиеся в общественном сознании, на самом деле — рассказы матери, которые нередко, скажем так, немножко деформируют реальность.

Большой пласт маскирующих эвфемизмов составляют «социально-политические» [4, с. 292]: политические, военные, экономические, профессиональные, случаи «политкорректной» эвфемии [8, с. 138], в частности, в нашем материале: (11) — И Рохлин не предполагал, что его могут, скажем так, остановить?

2. Стратегия снятия не нужной говорящему высокопарности высказывания, пафосности, патетики. Хочется привести здесь цитату из книги А. Мариенгофа «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги»: «— Это ваша миссия, Жорж? — Да! — отвечал он серьез-

но, хотя и не любил, как всякий человек со вкусом, высоких слов». «Русский язык очень чувствителен к такой приподнятости, — пишет И.Б. Левонтина. — В частности, это проявляется в том, что не все можно сказать о себе. Когда, например, актер или певица говорят в интервью: “В моем творчестве...”, — это звучит вульгарно и смешно» [7, с. 131–132]. Именно это обстоятельство послужило причиной дистанцирования говорящего от используемой им номинации в следующих случаях: (12) Мама моя, несмотря на два высших образования, очень мало уделяла внимания моему, скажем так, духовному развитию; (13) Был такой случай, скажем так, в моей педагогической практике.

В отличие от стратегии эвфемизации, когда говорящий сознательно выбирает «непрямую номинацию» предметов, действий, признаков, подчиняясь максимам вежливости, политкорректности и т.д., в данном случае он не может заменить не нравящееся ему слово просто потому, что, видимо, не находит другого, которое устраивало бы его больше, но при этом снабжает используемую им «квазиноминацию» пометой *скажем так*.

3. Стратегии ухода от стандартности или, напротив, излишней «вольности» в номинации. «Среди правил, регулирующих речевое поведение человека, говорящего на современном русском языке, есть правила, касающиеся отбора средств для предложения, — отмечает Т.В. Шмелева. — Одно из них рекомендует не нарушать узуса — привычного употребления имен по отношению к тем или иным референтам, сочетаемости слов. <...> Другое правило предписывает избегать слов и словосочетаний слишком употребительных. <...> говорящий при формулировании своих высказываний должен поддерживать определенный баланс: не выходя за радиус действия узуса, т.е. не позволяя себе особых вольностей, обходиться без средств, воспринимаемых как штамп или имеющих соответствующие симптомы. <...> при риске быть их (этих правил. — Л.Б.) нарушителем говорящий вводит в предложение специальный сигнал об этом» [11, с. 126–127]. Такими сигналами, по ее словам, служат «единства» *так сказать* и *как говорится*. По нашим наблюдениям, метапоказатель *скажем так* употребляется в обоих этих случаях.

Так, среди случаев, характерных для употребления *так сказать*, Т.В. Шмелева называет «фразеологические вольности», которыми «отмечены действия, разрушающие несвободные связи слов (фразеологизмы в широком смысле), использующие ожидания слушателя для создания «острых» эффектов, в том числе комических: Есть в этой сложной по составу, но очень цельной по стилю, духу, интонации книге и, так сказать, непортретные зарисовки (А. Кондратович)» [11, с. 129]. Ср. пример из нашего материала: (14) — Оказалось, что в Мордовии несколько лет действовали, скажем так, курсы повышения бандитского мастерства, — говорит Роман Михайлов.

К числу «вольностей», способствующих оживлению повествования, можно отнести использование стилистически сниженной лексики: (15) Но были и другие, скажем так, «припонтованные» барышни; (16) А герцог, скажем так, мужик крутого нрава. Такая же «стилистическая нестыковка», необычная сочетаемость вызывает комический эффект и в следующем тексте: (17) Еще довольно примечательно, как черниговчане отличаются от киевлян, на первый взгляд бросается, скажем так, «гламурность»: все ходят с виду в дорогой одежде и простенько одетый киевлянин забавно смотрится (сохранена пунктуация источника. — Л.Б.).

Антонимичную этому случаю использования *скажем так* ситуацию, соответствующую на этот раз правилу употребления вводного сочетания *как говорится*, антонима *так сказать*, наблюдаем в следующем примере из нашего материала: (18) Для того чтобы понять, что сейчас происходит с отечественной промышленностью <...>, нужно оторваться от способа оценки, к которому мы все привыкли за годы, скажем так, «плановой экономики» — метапоказатель помечает использование клише ушедшей эпохи.

Этими случаями далеко не исчерпываются ситуации и стратегии использования метапоказателя *скажем так* в современной речевой практике. За рамками рассмотрения в данной статье осталось, в частности, употребление этого сочетания в составе хезитационных конструкций, «в которых вербализуются колебания говорящего в выборе речевых средств», что является характерной особенностью спонтанной речи [2].

Таким образом, спецификой употребления метапоказателя *скажем так* как средства характеристики языкового оформления высказывания является реализация желания говорящего по той или иной причине дистанцироваться от выбранной им номинации, пометив ее как не единственно возможную, независимо от того, удачным или неудачным представляется ему этот выбор. При этом причины «неточной» номинации, или квазиноминации, — этические, собственно языковые и т.д. — не представлены в тексте в эксплицитном виде (ср.: деликатно/политкорректно говоря и т.п.), в силу абстрактности значения метапоказателя *скажем так* (*равно как и так сказать* и некоторых других), а угадываются адресатом исходя из содержания высказываний.

Библиографический список:

1. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Совет. энцикл., 1990. — 688 с.
2. Богданова, Н. В. О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи : на корпусном материале / Н. В. Богданова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам междунаро. конф. «Диалог» (2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http:// www.dialog-21.ru/media/1317/2.pdf](http://www.dialog-21.ru/media/1317/2.pdf), свободный. — Загл. с экрана.

3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : КомКнига, 2006. — 288 с.
4. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов : краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 320 с.
5. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др. ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — Москва : Русский язык, 1989. — 639 с.
6. Кустова, Г. И. Синтаксис современного русского языка : курс лекций / Г. И. Кустова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 294 с. — (Высшее образование).
7. Левонтина, И. Б. Русский со словарем / И. Б. Левонтина. — Москва : Изд. центр «Азбуковник», 2010. — 335 с.
8. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. — 2-е изд. — Москва : ЛЕНАНД, 2007. — 264 с.
9. Остроумова, О. А. Трудности русской пунктуации : словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника / О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь. — Москва : Изд-во СГУ, 2009. — 502 с.
10. Федосюк, М. Ю. Синтаксис современного русского языка : учеб. пособие / М. Ю. Федосюк. — Москва : ИНФРА-М, 2014. — 245 с. — (Высшее образование).
11. Шмелева, Т. В. Так сказать и как говорится / Т. В. Шмелева // Служебные слова. — Новосибирск, 1987. — С. 125–132.
12. Шмелева, Т. В. Синтаксис / Т. В. Шмелева // Современный русский язык : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л. Р. Дускаевой. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 352 с.

*И.Н. Нехаева**I.N. Nekhaeva**Тюменский государственный институт культуры*

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

**THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN TRADITION AND INNOVATION
IN THE LINGUISTIC CULTURE**

Аннотация: *Статья содержит точку зрения, проясняющую обстоятельства взаимодействия традиций и инноваций, имеющих место в языковой культуре. Автор соглашается с позицией Пьера Бурдьё, предлагающего рассматривать взаимодействие традиций и инноваций как борьбу за установление власти и оказание влияний на агентов, институты и языковую культуру в целом. Авторская позиция обусловлена идеей подвижности языковой структуры внутри любого культурного пространства. В качестве примера берется поле изобразительного искусства.*

Annotation: *This article contains the view, clarifying the interaction of tradition and innovation taking place in the language culture. The author agrees with the position of Pierre Bourdieu, proposes to consider the interaction of tradition and innovation as the struggle for the establishment of the power and influence on agents, institutions and language culture in general. The author's position is due to the idea of mobility of language structure inside any cultural space. As an example, taken the field of fine arts.*

Ключевые слова: *язык, культура, суждение, борьба, закон, практика, поле, время.*

Key words: *language, culture, judgment, fighting, law, practice, field, time*

Томас Гоббс отмечал, что любое исследование должно начинаться с определения, так как последнее не только устраняет двусмысленность и множественность различий, которыми часто злоупотребляют участники любой дискуссии, но главным образом обязывает вступивших в дискуссию выразить свое согласие по поводу принятых в отношении субъекта исследования действий по его расчленению на простые составные части, которые и дают нам объяснение этого субъекта. Таким здесь и является понятие «языковая культура».

В своей работе «Пересборка социального», говоря о проблематичности словосочетания «социальная наука», Бруно Латур иронизи-

рует над определением социологии как «науки о социальном», подчеркивая, что это «было бы отличным выражением, если бы не два слабых места — слово “наука” и слово “социальное”» [5, с. 12]. Это же относится и к понятию «языковая культура». С целью прояснения данного понятия дадим два определения, которые позволят нам проникнуть в структуру этого понятия.

В определении культуры, данном Терри Иглтоном, слышится всё та же нотка проблематичности, но она сглажена и, даже более того, используется автором в качестве предикативного условия: «”культура” прежде всего обозначает совершенно материальный процесс, который затем метафорически переносится на дела духовные. Таким образом, в своем собственном семантическом развертывании это слово отображает исторический переход человечества от сельской жизни к городской, от свиноводства к Пикассо, от возделывания земли к расщеплению атома» [3, с. 8–9].

Что же касается определения языка, то наиболее удачным, по словам Фердинанда де Соссюра, является определение, данное Уильямом Уитни: «Язык есть человеческое Установление» [6, с. 93]. Слово «установление» связано с судебной практикой, в ходе которой выносятся суждения — именно они, согласно Тьерри де Дюву, и составляют историю наших дел. Характерной особенностью такой истории является тот факт, что можно соглашаться с чем-то или отрицать это, но в конечном счете ни одно из вынесенных в судебной практике решений не определяет будущие решения и само полностью не определяется предшествующими решениями, поскольку в истории нельзя определить, какое суждение было первым, а какое станет окончательным. Таким образом, устанавливать — значит совершать действие, делать выбор, решать здесь и сейчас.

Однажды в неопубликованном интервью Жоржу Шарбонье французский художник Марсель Дюшан сказал: «Делать что-то, значит брать тюбик синей краски, тюбик красной, затем понемногу выдавливать на палитру, всегда выбирать что-то синее, что-то красное, и всегда выбирать место, куда они будут положены на холст, — всегда выбирать... Выбор в живописи — принципиальная вещь, даже норма» [2, с. 182]. Другими словами, художник выносит суждение, императивом которого является категорический императив¹ — «ты должен!». Однако художнику — и это особенно актуально для современного художника — категорический императив хотя и предписывает производить выбор, но без каких-либо критериев, поскольку, как замечает Тьерри де Дюв, «критерии,

¹ Согласно Иммануилу Канту, «так как императив кроме закона содержит в себе только необходимость максимы — быть сообразным с этим законом, закон же не содержит в себе никакого условия, которым он был бы ограничен, то не остается ничего, кроме всеобщности закона вообще, с которым должна быть сообразна максима поступка, и, собственно, одну только эту сообразность императив и представляет необходимой. Таким образом, существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». См.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. Москва, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 131.

нормы и конвенции, с которыми сообразуется практика одного художника, для другого художника суть не более чем максима кого-то другого» [2, с. 182–183]. И вот уже возникает конфликт.

Разрешение такого конфликта было бы невозможно ни при каких обстоятельствах, если бы язык представлял собой только систему правил и законов, которым нам оставалось бы только следовать. Неизвестно, кем бы мы были, живя в таких условиях, но точно можно сказать только одно — мы не жили бы человеческой жизнью, поскольку наш язык был бы напрочь лишен чувственной определенности, наша культура наконец-то отстояла бы и навсегда закрепила за обществом неизменную систему ценностей, а мы бы стали зомби. Этого, к счастью, не происходит именно потому, что системо- и структурообразующее действие (но именно действие!) нашего языка представляется лишь частью общей языковой деятельности. Поэтому, говоря о языке, нам скорее следует говорить о социальной практике, нежели о данности, своего рода схеме по своей природе механической и статичной. Термин «закон», согласно Фердинанду де Соссюру, обозначает лишь установление некоторого порядка, или «формулы порядка», ничем не связанного с императивностью¹. Более того, взамен этого утверждается, что «язык изменяется, всегда только изменяется, но никогда не происходит возникновения или создания новой языковой данности, которая в своем существовании отличалась бы от того, что ей предшествует, и от того, что за ней следует» [6, с. 47].

Однако внутри процесса, живя в этой бесконечно подвижной реальности, мы лишь чувствуем нечто похожее на новизну, а происходит это главным образом благодаря различиям, которые так удивляют, поражают и восхищают нас, и прежде всего в искусстве. Согласно Пьеру Бурдьё, социальное пространство вбирает в себя множество полей и практик, внутри которых идет постоянная борьба «за монополию навязывания легитимных категорий восприятия и оценки» [1, с. 244], в результате которой и возникают различия. Они улавливаются между тем, что обычно называется традиционным, привычным, стабильным, и тем, что, искажая эту традиционность, требует для себя другого именованя. Называть нечто заново — значит ловить сам момент изменения в искажении традиции, предельно приближаясь к той черте, за которой традиция становится неузнаваемой. Таким образом, сама борьба внутри поля творит его историю, наделяя это поле временным измерением, вводящим различия, которые становятся возможными именно благодаря работе знака, поскольку, по метко-

¹ Фердинанд де Соссюр рассуждает следующим образом: «В этом случае слово закон употребляется в смысле формулы порядка, подобно тому, как если бы я сказал, что частицы какого-либо тела расположены по спирали. Из этого вовсе не следует, что частицы должны располагаться по спирали в соответствии со своей природой, если предшествующее приложение силы, которая не должна нас интересовать, не расположило их повсюду подобным образом. Из этого не следует также, что частицы должны оставаться расположенными по спирали, если какая-нибудь новая сила воздействует на них. Это свидетельствует лишь о полной очевидности их расположения по спирали в данный момент; таков их порядок, их закон сейчас. Следовательно, закон означает здесь расположение, существующий порядок вещей, порядок сосуществующих вещей». См.: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. Москва, 2001. С. 126.

му замечанию Фердинанда де Соссюра, «объект, который используется как знак, никогда не является “одним и тем же” дважды» [6, с. 85].

Это ведет к тому, что в границах социальной реальности, в любой момент времени и в любом поле борьбы, агенты и институты являются друг для друга как современниками, так и пребывающими в различных временных измерениях. Настоящее же время становится лишь другим именем для поля борьбы. По словам Пьера Бурдьё, автор, принадлежащий прошлому времени, может присутствовать в настоящем времени только «в той мере, в какой он становится ставкой в борьбе <...> (поэтому современность. — И.Н.) практически существует лишь в борьбе, синхронизирующей расходящиеся времена» [1, с. 247]. При этом наиболее важным условием борьбы, по его мнению, производящей «современность как столкновение различных времен», становится разобщенность во времени сталкивающихся между собой в определенном поле (литературы, живописи, музыки и др.) агентов и институтов. Иными словами, одни агенты поля, будучи в авангарде и не имея современников (т.е. тех, кто бы признавал их, поскольку их публика в будущем), устремляют свой взгляд вперед, тогда как устремления тех, кого обычно называют консерваторами, напротив, обращены в прошлое, поскольку они признают своими современниками лишь авторов прошлого. В результате структура поля смещается как во временном отношении противостоящих друг другу позиций, так и в социальном, когда авангардные события смещают целый ряд предшествующих художественных событий, образуя дистанцию между некогда признанным авангардом и новейшим поколением художников.

По словам Марселя Дюшана, XX век в искусстве знаменателен поиском оригинальности и, в связи с этим, возвратами к стилям прошлого. Фигурально такую особенность, по его мнению, можно было бы представить в форме двустволки: «...Кандинский, Купка изобрели абстракцию. Потом абстракция умерла. О ней перестали говорить. Спустя 35 лет она снова появилась вместе с американскими абстрактными экспрессионистами. Можно сказать, что после войны кубизм вернулся в обедненной форме с Парижской школой. Дадаизм тоже снова появился. <...> Такого не было в восемнадцатом или девятнадцатом веке. После романтизма появился Курбе. И романтизм уже никогда не возвращался» [1, с. 249]. Это, в частности, говорит об активизации в XX веке таких языковых процессов, как негация — обнаружение негативного отношения к тому, что когда-то само отрицалось (по принципу отрицание отрицания), а также социализация, или даже точнее — дематериализация¹ искусства, когда труд

¹ «...Тенденцию утраты значения материальных свойств объекта Люси Липпард и Джон Чэндлер назвали дематериализацией арт-объекта. Главным в произведении искусства становится не форма, не материальный объект и качество его исполнения, а замысел создания или концепция». См.: Шувалова А.С. Дематериализация арт-объекта концептуального искусства в свидетельствах Люси Липпард // Арт-культ: науч. электрон. журн. 2013. № 10. С. 47. <http://articult.rsuh.ru/articult-10-2-2013/index.php>

художника настолько сближается с трудом ученого, что художественный процесс становится напрямую зависим от «интеллектуального» комментария самого критика искусства. Происходящая в связи с этим трансформация художественного произведения заставляет трактовать искусство как «место, где происходят некоторые вещи», а не как «вещь, присутствующую в мире» [7, с. 42].

Таким образом, подвижность структуры языка, постоянно осуществляемая внутри различных полей языковой культуры, свидетельствует о том, что какие бы языковые средства — лингвистические, семиотические, семиологические как системо- и структурообразующие механизмы — не выдвигались бы на передний план и не использовались бы нами, это не может становиться причиной для того, чтобы мыслить язык как некую схему или просто-напросто систему знаков, при необходимости принимающую вид трафарета для расшифровки событий и обстоятельств нашей жизни. Ясно, что это абсолютно не соответствует реальному положению дел, поскольку на самом деле мир весьма подвижен и изменчив, и все происходящее в нем есть и в нашем языке, но особым образом, иначе, нежели это происходит в физическом мире. Именно языковая подвижность позволяет нам чувствовать структурные изменения поля, которые мы привычно выражаем в терминах «традиций» и «инноваций», иной раз подразумевая под этим некий разрыв. Речь же следует вести о взаимовлияниях и столкновениях, переходных моментах, структурных трансформаций в поле языка — именно это не только соответствует закону непрерывности в языке, но и представляет особый исследовательский интерес. Направляя свою критику на уже существующие произведения искусства, научные школы, художественные стили и т.д., мы тем самым демонстрируем свой интерес к ним, принимая непосредственное участие в художественном труде, который по преимуществу заключается именно в том, чтобы делать из себя художника.

Библиографический список:

1. Бурдьё, П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдьё, П. Социальное пространство : поля и практики. — Москва ; Санкт-Петербург, 2007.
2. Дюв, Т. де. Делай что угодно // Тьерри де Дюв. Именем искусства. К археологии современности. — Москва, 2014.
3. Иглтон, Т. Идея культуры / Т. Иглтон. — Москва, 2012.
4. Кант, И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения : в 6 т. — Москва, 1965. — Т. 4, ч. 1.
5. Латур, Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — Москва, 2014.
6. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр. — Москва, 2001.
7. Шувалова, А. С. Дематериализация арт-объекта концептуального искусства в свидетельствах Люси Липпарт / А. С. Шувалова // Артикульт : науч. электрон. журн. — 2013. — № 10. <http://articult.rsuh.ru/articult-10-2-2013/index.php>

В.И. Орлова

V.I. Orlova

Тюменский государственный университет

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ЯМА»)**

**THE SPECIFICITY OF THE ART NOMINATION
(BASED ON THE STORY OF A.I. KUPRIN “YAMA”)**

Аннотация: *Исследование посвящено изучению интерпретации антропонимического пространства повести А.И. Куприна «Яма». Целью работы является определение места имен собственных в художественном тексте, выявление информации, заключенной в поэтонимах, и способов ее трансформации в контексте художественного произведения, установление и анализ стилистических и эстетических функций антропонимов.*

Annotation: *The research is devoted to studying of interpretation of the antroponym space of the story of A. I. Kuprin “Yama”. The purpose of work is the definition of a place of proper names in the art text, the detection of an information concluded in the poetonyms and ways of its transformation in the context of the artwork, the establishment and the analysis of stylistic and esthetic functions of antroponyms.*

Ключевые слова: *художественный текст, ономастическое пространство, поэтическая антропонимия, функции имен собственных, А.И. Куприн.*

Key words: *art text, onomastic space, poetic antroponymy, the functions of proper names, A.I. Kuprin.*

Художественное наследие А.И. Куприна привлекало и привлекает внимание лингвистов и литературоведов. Однако очень немного статей посвящено анализу языка произведений этого автора, а работ, рассматривающих собственные имена в его творчестве, практически нет. Однако не вызывает сомнений тот факт, что антропонимия художественного текста имеет огромное значение в понимании исторического, социального и культурного содержания отдельного произведения или всего творческого наследия автора. Антропонимы не только выделяют персонаж из ряда других, но и становятся средством раскрытия и детального понимания художественного об-

раза. Поэтому объектом нашего внимания стали лингвистические и экстралингвистические особенности экспликации антропонимических единиц в повести А.И. Куприна «Яма».

В целях номинации персонажа А.И. Куприн применяет различные виды антропонимов — имена, отчества, фамилии, прозвища: «Эмма Эдуардовна произносит басом с холодной уверенностью...» [1, с. 14]; «Манька, страстная любительница карточной игры, готовая играть с утра до утра не переставая...» [1, с. 36]; «И все эти Генриетты Лошади, Катьки Толстые, Лельки Хорьки и другие женщины, всегда наивные и глупые...» [1, с. 414]; и др. Кроме того, в функции именованного автор активно использует апеллятивы — номинации, отсылающие к названиям родства, характеристикам по социальному или профессиональному статусу и т.д. Так, например, при представлении персонажа автор чаще всего обращается к нарицательному существительному, которое позволяет соотносить с ним на протяжении всего текста определенного персонажа: «В комнате хозяйки пьют кофе. Компания из пяти человек. Сама хозяйка, на чье имя записан дом, — Анна Марковна...» [1, с. 2]. Затем, по мере развертывания сюжета, Куприн использует для идентификации персонажа как антропоним (Анна Марковна), так и апеллятивную номинацию (хозяйка): «— Так как же, Фома Фомич? — спрашивает искательно хозяйка» [1, с. 2]. Приведенные примеры доказывают, что возможность маркировать персонажа апеллятивной номинацией позволяет автору расширить систему именованных персонажей и тем самым максимально использовать оценочные возможности антропонимной лексики. Поэтому часто апеллятивная лексика используется Куприным не только в целях номинации, но и для создания оценки или характеристики персонажа. Благодаря этому нарицательная номинация участвует в создании экспрессивно-образительного плана образа персонажа: «Как-то само собою случилось, что на развалинах тех старинных, насиженных гнезд, где раньше румяные разбитные солдатки и чернобровые сдобные ямские вдовы тайно торговали водкой и свободной любовью, постепенно стали вырастать открытые публичные дома, разрешенные начальством...» [1, с. 2]; «Девушки уже вышли к ним, но мужчины продолжали начатый еще на улице разговор. Платонов рассказывал, что давно и хорошо знает это заведение и его обитательниц. Он, можно сказать, здесь свой человек, однако ни у одной из “девушек” он ни разу не побывал» [1, с. 49]. В данном случае стоит говорить и о равных возможностях собственной и нарицательной лексики выполнять стилистическую функцию.

Художественное произведение — особая область функционирования имен собственных. В бытовой речи имя используется для различения объектов коммуникации, однако в художественном пространстве дифференцирующая функция вторична, поскольку сов-

мещается с изобразительной, стилистической и эмоционально-оценочной функциями. Каждый писатель при выборе того или иного имени обращает внимание на его звучание и форму, которые становятся одним из средств формирования особых оценок, тонких оттенков смысла и определенных читательских реминисценций. Такое именование может передать информацию о социальном, национальном положении персонажа, а также сообщить о его возрасте, биографии и характере.

Существует большое разнообразие подходов к общим принципам классификации имен персонажей. Однако при анализе поэтических антропонимов чаще всего обращаются к классификациям, учитывающим роль имени в образной характеристике его носителя. Нам в этом отношении показалась интересной классификация, приведенная В.Н. Михайловым [7, с. 80]. Вслед за В.Н. Михайловым считаем необходимым весь корпус имен, выявленных в повести А.И. Куприна «Яма», разделить на следующие типы:

1. Имена, обладающие функцией семантической характеристики. К данной группе именовании можно отнести, например, личное имя Симеон («Симеон был сухопарый, сутуловатый, молчаливый и суровый человек, с прямыми широкими плечами, брюнет, шадровитый, с вылезшими от оспы плешинками бровями и усами, с черными, матовыми, наглыми глазами» [1; с. 27].) Данный антропоним является прецедентным, поскольку позволяет читателю соотносить персонажа повести «Яма» с упоминаемым в Евангелии от Луки Симеоном Богоприимцем — праведником, которому было обещано, что он не умрёт, пока не увидит собственными глазами мессию. Используя имя, связанное в памяти реципиента с библейским контекстом, А.И. Куприн задает ироничный ракурс восприятия своего героя — работника заведения, который ворует, избивает девушек заведения, а в прошлом наверняка убийца.

Номинации, построенные по формуле «апеллятив+имя», могут не только сообщать информацию о социальном статусе носителя имени, но и передавать тонкие ироничные оценки: «Имею честь представиться, — тотчас же закривлялся Ванька-Встанька, по-военному прикладывая руку к козырьку, — тайный почетный посетитель местных богоугодных заведений, князь Бутылкин, граф Наливкин, барон Тпрутинкевич-Фьютинковский» [1, с. 53]. Ироничного восприятия образа персонажа автор добивается, присвоив завсегдаю дома терпимости характерное прозвище, созданное с опорой на традиционную назывную модель. В данном случае апеллятив выполняет две функции — назывную и оценочную, поскольку стремится к типу оценочных апеллятивов.

Определенную авторскую оценку приобретает модель именовании «апеллятив + фамилия» в следующем контексте: «...сказал решительно старый студент Лихонин, высокий, сутуловатый, хму-

рый и бородатый малый» [1, с. 62]. Данный персонаж повести отличается от остальных студентов (таких же посетителей заведения) своим смелым нравом. Он анархист по убеждениям, страстный игрок в карты, бильярд, любитель делать ставки и т.д. Кроме того, он самый старший из студентов. Фамилия героя, как нам кажется, происходит от слова «лихо» — то же, что и зло [8, с. 115], отсюда его увлечение азартными играми и спорами на деньги.

2. Имена, выполняющие общеэкспрессивную функцию. В эту группу можно отнести некоторых персонажей — носителей иностранных фамилий, имеющих необычные фонетическую и морфемную формы: «Подумайте сами, мадам Шойбес» [1, с. 14], «Господин Кербеш!» [1, с. 14], «Она в гимназии Флейшера» [1, с. 15] и проч. На наш взгляд, использование данных онимов в контексте романа состоит в том, чтобы посредством нестандартного способа именованья придать образу персонажа эмоционально-оценочную окраску. Поскольку семантика антропонимов в принципе не продуцирует необходимые ассоциации, их внешняя звуковая оболочка ориентирована на формирование их оценки.

Еще один прием, используемый автором для выражения экспрессии, — совпадение имени персонажа с именем собственным известного исторического, мифологического лица или другого литературного персонажа. Такие номинации Куприн употребляет намеренно. Чаще всего для того, чтобы выразить своё отношение к конкретным носителям этих имён: «...и студент по прозвищу Рамзес, что застрелился, оставив записку, где писал, что виноват в случившемся он сам, потому что взял женщину за деньги, без любви» [1, с. 53].

Пожалуй, самым неоднозначным персонажем повести является Семен Яковлевич Горизонт («...молодой человек уже успел уведомить соседей, что его зовут Семен Яковлевич Горизонт» [1, с. 140]). Выбранная автором фамилия выполняет функцию экспрессивной характеристики. Угол восприятия двуличного персонажа (для одних — он любезный и порядочный коммивояжёр, для других — торговец девушками) задает апеллатив, заложенный в основу номинации (здесь важно помнить о том, что в науке различают горизонт видимый и горизонт истинный). Подобные онимы позволяют очертить образ носителя имени, представить его мировоззрение, увидеть характер.

3. Имена, осуществляющие по преимуществу функцию указания на социальную, национальную принадлежность. В повести Куприна фамилии нередко становятся маркером социального положения, статуса, происхождения персонажа: «Дядченко уходил со своим суровым и степенным видом...» [1, с. 31], «Сусанна Райцына! — выкрикнул, наконец, доктор» [1, с. 363], «<...> и Володя Чаплинский, богатый светский молодой человек, композитор-дилетант, автор нескольких маленьких романсов и многих злобод-

невных острот, ходивших по городу» [1, с. 169], «Эй, Нижерадзе, вставай!» [1, с. 203] и проч.

Антропонимы повести Куприна выполняют стилистическую функцию, которая проявляется в тексте двояко: как а) информационно-стилистика и б) эмоционально-стилистика. Как правило, информация литературного имени передается в логическом, понятийном виде, и её легко можно описать, выразить словом. Выразителем информационно-стилистика смыслов обычно является внутренняя форма (этимологическое значение) антропонима. В простейшем случае имена персонажей указывают на их национальную принадлежность [4, с. 19].

Антропоним в художественном тексте в силу своей многофункциональности способен отражать языковую действительность, быть своеобразным ориентиром в реалистическом плане повествования. Не случайно используемые Куприным назывные номинации отражают присущую национальному ономастикону описываемой эпохи однословную, двухсловную и трехсловную модель наименования: «Эмма Эдуардовна произносит басом с холодной уверенностью...» [1, с. 14], «Присяжный поверенный Эраст Андреевич Рязанов» [1, с. 386], «Манька, страстная любительница карточной игры, готовая играть с утра до утра не переставая...» [1, с. 36].

Однословная номинация, как правило, говорит о близких, интимных, ласковых, фамильярных отношениях между персонажами, двухсловная, например, «имя + отчество», — об уважительном отношении младших к старшим, трехсловная употребляется как эквивалент официального, делового обращения к человеку: «Счет девицы Ирины Вощенковой...» [1, с. 258]; «О, что вы, Елена Викторовна!» [1, с. 171]; «Настоящее ее имя Гликерия или Лукерья попростонародному...» [1, с. 20], «В комнате у Маленькой Маньки, которую ещё называют Манькой Скандалисткой и Манькой Беленькой...» [1, с. 19]. В последней иллюстрации прозвище обитательницы дома терпимости сообщает, что действие повести происходит в России, т.к. имя и прозвища русского происхождения, а также сообщает информацию о внешности героини (рост и цвет волос — маленькая, беленькая) и о её характере (скандалистка).

Нередко номинативная функция назывного слова в художественном тексте приобретает стилистический фон и квалифицируется как функция номинативно-стилистика. В этом случае антропоним, являясь вербальным знаком именуемого, может быть не только средством указания на действующее лицо, но использоваться в целях экспрессивной характеристики носителя онима. Так, например, именования с диминутивными суффиксами в повести Куприна используются как для выделения одного персонажа из группы, для его обозначения, так и для передачи оттенков доброго чувства по отношению к носителю имени, нежности, игривости

и несерьезности, а также ласкательного и интимного оттенка в общении: «...пожалуйста, Манечка, десяточку» [1, с. 21], «Ты бы, Феклуша, скушала бы и мою котлетку» [1, с. 26], «Манечка, душечка, миленькая...» [1, с. 38].

В повести «Яма» функционирует ряд именованных на создание особой художественной экспрессии. Как правило, в этих целях автор использует говорящую внутреннюю форму имен собственных (позволяющую дать оценку внешнему или внутреннему облику персонажа): «Манька Большая или Манька Крокодил, как её называют...» (т.е. крупная и неприятной наружности).

Экспрессия собственных имен может зависеть и от семантико-стилистических свойств различных морфологических элементов суффиксального типа, участвующих в образовании этих имен [4, с. 23]. Например, такие фамильные суффиксы, как -ский/-ской свидетельствуют об особом положении, родовитости их обладателей: «Володя Чаплинский, богатый светский молодой человек, композитор-дилетант, автор нескольких маленьких романсов и многих злободневных острот, ходивших по городу» [1; с. 169]. А формы пейоративного имени могут передавать пренебрежительно-уничижительные оценки или оттенок фамильярности при большой степени доверия: «Потом кинулись в комнату одевавшейся Катки и засыпали её расспросами» [1, с. 31], «Любка ...снесла Амуру остатки хлеба и обрезки ветчины» [1, с. 17], «Колька-бухгалтер...» [1, с. 57]. Такие онимы автор использует достаточно часто, поскольку, изображая быт публичного заведения, описывает безнравственный и аморальный образ жизни его обитателей. Персонажи более высокого статуса используют пейоративные имена при обращении к девушкам лёгкого поведения, так подчёркивается их низкий социальный статус. Кроме того, подобные именованья бытуют среди девушек и носят оттенок доверительности и допустимой фамильярности.

Таким образом, проведенный анализ совершенно очевидно доказывает, что на страницах художественного текста антропонимика не только является непосредственным продолжением актуального именика эпохи, но и становится определенным решением авторской задачи, а также выражением авторского стиля. Созданное автором имя всегда служит продолжением характеристики героя, дополняя его образ, объясняя его действия и мысли. Кроме того, имя может задать определенный ракурс интерпретации текста, поскольку является важнейшим средством его структурно-семантической организации. Поэтому в словесной палитре художественного произведения ономастическая лексика выступает у А.И. Куприна как особенно заметное, стилистически и семантически маркированное экспрессивное средство, как яркий пример авторского идиостиля.

Библиографический список:

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — Москва : Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Васильева, Н. В. О функциях собственных имен в художественных текстах / Н. В. Васильева // Вопросы филологии. — 2005. — № 3. — С. 7–13.
3. Васильева, С. П. Литературная ономастика : учеб. пособие для студентов филолог. специальностей / С. П. Васильева, Е. В. Ворошилова. — Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — 2009. — 138 с.
4. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. — Москва : Просвещение, 1997. — 201 с.
5. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 34–40.
6. Куприн, А. И. Яма / А. И. Куприн. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с.
7. Михайлов, В. Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В. Н. Михайлов // Филологические науки. — 1987. — № 6. — С. 78–82.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» : ОГИЗ. — 1935–1940.

Н.В. Разумкова

N.V. Razumkova

*Тюменский государственный университет;
Цзюйфуский педагогический университет (Китай)*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТАХ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ON THE QUESTION OF SEMANTIC DOMINANTS IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. В данной работе пунктирно представлены результаты изучения ключевых аспектов семантики русского языка на материале современных онлайн-изданий, а также художественных текстов. В центре внимания находятся морфосинтаксические и лексико-фразеологические средства, как наиболее трудные в дидактическом плане и наиболее показательные, что касается языковой картины мира русского народа.

Annotation. This article presents the results of a study of semantic dominants of the Russian language on a material of modern online media, as well as literary texts of the Russian language. The focus is on morphosyntactic and lexical and phrase means as the most difficult in terms of didactic and most revealing, with regard to Russian language picture of the world.

Ключевые слова: глагольная приставка, категория диминутивности, бинарный концепт, межкультурная компетентность, русский язык как иностранный, фразеологизм, языковая картина мира.

Key words: verb prefix, category diminutive, a binary concept, intercultural competence, Russian as a foreign language, idiom, language picture of the world.

Интерес к заявленной теме вызван практической задачей — формирование определенного уровня межкультурной компетентности у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Каждое занятие — «перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [5, с. 25]. Естественно, что в условиях современной реальности потребовалась новая методология лингвистического образования, ориентированная

на подготовку выпускника университета к непосредственному общению с коллегами, принадлежащими к иной культуре. Активная межкультурная коммуникация должна обеспечить достижение взаимопонимания между собеседниками в процессе их общения на русском языке. Проблема преподавания РКИ в указанном ключе, должна рассматриваться исключительно с учетом межкультурных аспектов в рамках «новой мегапарадигмы» (Е.С. Кубрякова) — когнитивно-прагматической, с опорой на широкий фон культурной, социально-политической жизни народа, в тесной связи с картиной мира изучаемого языка.

Разнообразие лингвокультур, задаваемое различными языковыми системами, становится условием для проявления признаков этничности в семантике языка, что объясняет национально-культурные особенности картин мира разных народов. Специфика в культурных представлениях у носителей национальных языков обусловлена, во-первых, способом концептуализации действительности, присущей тому или иному языку; во-вторых, значимостью понятий и мерой их детализации, структурированности в языке.

Целью нашей работы ставится лапидарное освещение особенностей языковой картины мира, имманентно заложенных в лексико-фразеологической системе русского языка, выражаемой преимущественно морфосинтаксическими средствами, наиболее трудными в плане методики преподавания РКИ. *Hinc et nunc*, мы отметим лишь три момента: диверсификация внешне сходных действий, выраженных приставочными глаголами (1), категория диминутивности, широко проявляющаяся в общении (2), поликонцептуальная семантика русских идиом, вербализующих бинарные концепты (3). Внимание к выше названным аспектам обусловлено, прежде всего, их объективными характеристиками и этическим воздействием на повседневную жизнь русского человека. В силу физической и феноменологической природы, рассматриваемые языковые явления служат в качестве оценочного средства, часто эксплуатируются русскими писателями, развертывая в художественной литературе авторскую концепцию бытия.

1. Общеизвестно, любой национальный язык хранит и передает из поколения в поколение культурные ценности народа (традиции, обычаи, верования), закрепленные в единицах лексики, идиоматики, поговорки, фольклоре. *Nemo loquens*, носитель этнической ментальности, связывает воедино язык, мышление и культуру, которые отражают и формируют его языковую картину мира. Языковая картина мира представляет собой комплекс вербальных и невербальных средств, в которых отражены представления народа о действительности на определенном этапе развития общества. Составляющие картины мира, рисуемой тем или иным языком, связываются, в первую очередь, с его лексико-фразеологической системой.

Номинативные единицы способны выражать информацию о мире с этнических позиций, в которых улавливается взаимодействие ratio с семантическим контекстом. Русская когнитивная культура строится на «алгебре отношений» и предполагает способность системы охватывать как можно большее количество семантических множеств, создаваемых в процессе расширения текстов [6, с. 45–46]. Семантической средой русской фразы становятся морфосинтаксические инструменты, которые изображают взаимодействие реальных и виртуальных впечатлений представителя лингвокультуры. Любое явление, материальное или нематериальное, обозначенное частью речи, наше сознание может представить как протагониста [4, с. 123]. Так, в сфере русского глагола действует яркая доминанта — приставочное словообразование. Современное состояние проблемы наиболее полно отражено в монографии [1]. Авторами показано, что для русской языковой картины мира характерной чертой является объемное и детализированное видение процесса и действия. Глагольные приставки приносят яркий этнический компонент. Разные для русского восприятия действия (вынес, перенес, унес, отнес, занес, донес ...книгу из библиотеки домой) в мироощущении, например китайца, это — практически одно и то же. Роль приставочных глаголов в русском языке заключается в создании дополнительных смысловых нюансов. Фиксируемые в одном слове объемные значения процесса, протекающего во времени и пространстве, что часто приводит к межъязыковой лакунарности. В плане методики требуются особые усилия со стороны преподавателя, когда глагольные приставки непосредственно преподносятся студентам как элементы различия по отношению к изучаемому языку и культуре.

2. Язык отражает национальный характер своего носителя, навязывает человеку определенное видение мира [5, с. 147]. Например русский язык заставляет своих носителей видеть два цвета: синий и голубой. Китаец видит один: Н... (lan). При этом они смотрят на один и тот участок спектра. Диминутивность — большое количество уменьшительных и ласкательных суффиксов — также относят к числу доминантных категорий в русском языке [4, с. 143]: книжечка, машинка, столик. Диминутивные формы слова традиционно обозначают предметы малого размера, часто используются в ситуации общения с детьми. В современном русском языке диминутивы маркируют такие коннотации, как вежливость, участие, заботу. Интерактивный характер русских диминутивов проявляется в повседневном общении: съешь колбаски; выпьем кофейку; отведайте наши блины с икоркой; давай пожарим картошечки с лучком. Данная категория становится навязчиво агрессивной, так как сфера ее распространения постоянно расширяется. Прагматика употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами обусловлена тактичностью, демонстрацией уважения, хорошего от-

ношения к окружающим, устремленностью к прекрасному. Разумеется, диминутивы создают большие трудности при переводе, но, стоит подчеркнуть, что они отражают повышенную способность русского человека к выражению любви и доброты, чувствительности, которые, впрочем, и способствуют формированию этих качеств у носителей языка. В методическом плане мы предлагаем студентам комплекс заданий и упражнений к восприятию и воспроизведению диминутивов. В качестве источников для анализа привлекаются фольклорные и литературные тексты.

3. Согласно мнению авторитетных ученых, языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими являются образно-метафорические слова, коннотации. У каждой культуры свои ключевые слова. Для того чтобы признать то или иное слово концептом, нужно, чтобы оно было общеупотребительным, частотным в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок. В список для русской культуры включен и описан ряд таких слов, как душа, воля, тоска и мн. др. [2, с. 63]. Одним из базовых универсальных понятий в русской языковой картине мира является цвет. В данной работе мы ограничимся рассмотрением одного фрагмента концепта «цвет» — белый. Белизна — символ красоты, чистоты, невинности. Цветовой язык человека ментален по своей природе. Среди языковых средств, выражающих национально-культурное сознание, ведущее место принадлежит фразеологизмам: белый свет (незыблемая сущность мироздания), белая ложь (невинная ложь во спасение), белое золото (хлопок). В русской языковой картине мира белый цвет передает позитивную оценку внешности человека, служит описанию его красоты, что нашло отражение в художественных текстах, поэзии. Белый цвет восходит к свету, солнцу и обозначает значимые для человека понятия. Понимание жизни как энергии, сотканной из солнечного света, в противоположность смерти, ассоциируемой с черным цветом, отразилось в выборе средств вербализации бинарных концептов, относящихся к противоположным ипостасям бытия: Из светлого рая — да на трудную землю; Ученье — свет, а неученье — тьма; Говорит бело, а делает черно. Оппозиции белый/черный сопрягаются со значениями: святой/чужой (Святая Русь (родина) в противоположность Черная Русь (чужбина); умный/глупый; правда/ложь, клевета; добро/зло, грязь. Confer: Речи, как снег, а дела как сажа. Духовная красота, трудолюбие, положительные качества характера человека могут скрываться за внешней непривлекательностью: Платье черненько, да совесть беленька; От черной коровки, да белое молоко; У пахаря рука черна, да хлеб бел. Русские пословицы предостерегают, указывая на алчность и зависть: Чужая мука белее молока. На амбивалентность белого цвета указывают фразеологизмы с отрицательной образностью: Сказка о белом бычке (о бестолковости); белые руки (белоручка, синоним лентяя);

Лавка бела, да изба гола (о бедности). Толика приведенных примеров иллюстрирует развитие признаков концепта белый в русской языковой картине мира. Считаем целесообразным использовать подобные материалы, активизирующие когнитивные способности обучаемых на предмет их осмысления и сопоставления с концептуальными значениями в родном языке.

Подытоживая, отметим, что изложение наших наблюдений, адаптированное под потребности иностранных учащихся, нашло применение в учебном процессе, так как улучшает качество и скорость восприятия языкового материала. Глубокое изучение узловых сфер семантики и прагматики русского языка в известной мере гарантирует инофонам возможность достижения взаимопонимания в диалоге культур путем открытой позиции в общении, формирует способности видеть и понимать «чужое», признать его «своим», предвидеть свои в коммуникации, преодолевать существующие национальные стереотипы и предрассудки. (Более подробно см: [3]).

Библиографический список:

1. Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки : семантическое устройство, системные отношения : монография / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. — С. 3–21.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. — Москва : Изд. центр «Академия», 2001. — 208 с.
3. Разумкова, Н. В. Интенсификация речевой деятельности китайских студентов на занятиях по русскому языку : учеб. пособие / Н. В. Разумкова, Юйфу Чжу. — Тюмень : Изд-во ГАУСЗ, 2016. — 162 с.
4. Рылов, Ю. А. Аспекты языковой картины мира : итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. — Москва : Гнозис, 2006. — 304 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово / Slovo, 2000. — 624 с.
6. Халина, Н. В. Славянская когнитивная культура : от сакральной симметрии до синтаксиса мысли / Н. В. Халина // Когнитивная лингвистика : монография. — Новосибирск: СибАК, 2014. — С. 9–57.

Д.Д. Тютина

D.D. Tyutina

Тюменский государственный университет

РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА

Аннотация: *Рассматривается речевой имидж политического деятеля через анализ понятия языковой личности. объектом лингвистического описания выступил речевой имидж вице-губернатора Тюменской области Евгения Борисовича Заболотного. Особое внимание уделяется лексическому, морфологическому и синтаксическому строю политического дискурса. Отмечается влияние образования и сферы деятельности на лексический состав выступлений политика. Стремление к лаконичности через сложный синтаксический строй.*

Annotation: *The speech image of a politician is analyzed through an analysis of the concept of the language personality. Object of linguistic description was the speech image of the vice-governor of the Tyumen region Evgeny Zabolotny. Particular attention is paid to the lexical, morphological and syntactic structure of political discourse. The influence of education and the sphere of activity on the lexical composition of the speeches of the politician is noted. Striving for laconism through a complex syntactic system.*

Ключевые слова: *политическая лингвистика, политический дискурс, языковая личность, речевой имидж.*

Key words: *Political linguistics, political discourse, language personality, speech image.*

Политическая лингвистика — активно развивающееся научное направление, так как навыки политической коммуникации востребованы в демократическом обществе как в сфере продуцирования речи, так и ее восприятия. Критический анализ современного регионального политического дискурса нацелен на гармонизацию коммуникативной практики политических лидеров, журналистов и электората, способствует формированию положительного имиджа России в представлении зарубежной общественности, выработке конкретных рекомендаций для политиков, журналистов, специалистов по связям с общественностью.

По Ю.Н. Караулову, на каждом уровне языковая личность складывается из специфических типовых элементов: единиц сопутствующей

щего уровня, отношений между ними, стереотипных их объединений, свойственных каждому уровню комплексов. На вербально-семантическом уровне в качестве единиц выступают отдельные слова, «отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью», а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные фразы». На лингво-когнитивном (тезаурусном) уровне в качестве единиц фигурируют понятия, крупные концепты, идеи. Их выразителями являются слова вербально-семантического уровня, но «облегченные дескрипторным статусом». Мотивационный уровень языковой личности менее ясен по своей структуре, но также состоит из трех типов элементов. Но ориентация единиц этого уровня должна быть прагматической и здесь следует говорить о коммуникативно-деятельностных потребностях личности [3]. Создать модель языковой личности — сложнейшая задача, так разнообразен языковой потенциал, так неочевидны внешние и внутренние речевые взаимосвязи, так разнородны диалоговые функции. Речевой имидж — более поверхностное образование. Это как бы внешняя часть языковой личности, ее «фасад», открытый для всеобщего обозрения — для пристрастного изучения любого индивида и заинтересованного взгляда целого коллектива [4, с. 27]. Языковая составляющая имиджа сводима к языковой культуре человека. Языковая культура — традиционное понятие языкознания. Она предполагает оценку тех языковых средств, которые помогают человеку рисовать его публичный образ [4, с. 28]. Главными параметрами речевой составляющей имиджа являются: речевая культура, речевая самостоятельность, коммуникативная компетентность [4, с. 28].

Объектом лингвистического описания выступил речевой имидж регионального политика. Тюменская область по объёму произведенной промышленной продукции занимает первое место в России. Значительная часть нефти (64%) и газа (91%) страны добывается в регионе. ГРЭС, расположенные на территории Тюменской области, являются одними из мощных в мире. Следует отметить, что политическая жизнь в Тюменской области активна, но не является объектом пристального внимания науки. Некоторые особенности политической жизни тюменского региона описаны в работах И.В. Боброва (2013), С.М. Панарина (2009), О.С. Пустошинской (2015). Заметим, что до сих пор лингвисты обращали внимание только на речевое поведение политических лидеров страны и регионов, коммуникативное поведение региональных политиков не вызывало пристального интереса ученых. Политика Тюменской области формируется посредством высшего и единственного органа — Тюменской областной Думы, представителем которой, в частности, является вице-губернатор Тюменской области Заболотный Евгений Борисович.

Выбор объекта исследования не случаен: Е.Б. Заболотный отвечает за развитие предприятий строительной индустрии, реализацию транспортной политики, охрану и использование объектов историко-культурного наследия, имеет гуманитарное образование (историк), с 1980 года занимается наукой и ведет преподавательскую деятельность. Личность Е.Б. Заболотного позволяет поставить довольно смелый вопрос «Зачем нужны гуманитарии в политике?»

Рассмотрим особенности речевого имиджа вице-губернатора Евгения Заболотного. Будучи профессиональным политиком, Е.Б. Заболотный нередко в общественной коммуникации использует политический дискурс — совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом. Как властный инструмент, политический дискурс сочетает в себе динамичность и консервативность. Актуальность его исследования обусловлена тем, что политический дискурс напрямую или косвенно влияет на все сферы жизни общества: речевое воздействие является основной целью коммуникации [1, с. 83].

Основная тема политического дискурса — политика — понятие, включающее в себя деятельность органов государственной власти и государственного управления, а также вопросы и события общественной жизни, связанные с функционированием государства, политическая борьба, что предопределяет использование в нем специальной группы слов — политической лексики (свобода, личность, равенство, права, парламент, депутат, глава администрации, голосование, избиратель, мэр, оппозиция, указ и т.п.). В силу специфики профессии политическая лексика у Заболотного выступает в роли профессионализмов, которые, в отличие от их общеупотребительных эквивалентов, служат для разграничения близких понятий. Доминирование профессиональной лексики в политическом дискурсе обусловлено требованиями лаконичности и точности выражения мысли в специальных текстах, предназначенных для подготовленного читателя.

Так как Е.Б. Заболотный курирует строительство, то в речи вице-губернатора отмечаем широкий лексический пласт из строительной сферы: инфраструктура, ввод в эксплуатацию, реконструкция, инженерные сети, застройщики, дольщики, асфальтобетонное покрытие [2]. По образованию Е.Б. Заболотный историк, поэтому в интервью свои умозаключения активно иллюстрирует примерами из истории: «На самом деле история испанского Бильбао не такая безоблачная, как кажется...» [2], использует историзмы: лакмус, «болгарский» пансионат, добротный [2]. Политик использует прием языковой игры в диалоге с корреспондентом интернет-журнала «tmn»:

— В России две беды: дураки и дороги.

— Давайте мы дураков оставим в стороне [2].

Политический дискурс Евгения Заболотного отличают многочисленные обращения к прецедентным феноменам: история испанского Бильбао [2] и паремическому фонду русского языка: фразеологизмам, пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и афоризмам: время берет свое, принцип: не навреди, критика — двигатель прогресса, хорошо там, где нас нет; все познается в сравнении; где родился, там и пригодился, лакмусовая бумажка, Тюмень — столица деревень [2], что свидетельствует о метафоричности мышления, эрудиции коммуниканта, стремлении создать яркую образность текста, выразить экспрессию.

Анализ морфологического строя политического дискурса вице-губернатора Е.Б. Заболотного показал, что в нем доминируют краткие страдательные причастия прошедшего времени и глаголы совершенного вида: набраны очень хорошие темпы строительства жилья; была проделана большая работа; которые в целом характерны для всех отраслей экономики, они будут закономерны и для строительной отрасли, обозначающие действия, имеющие ограниченные пределы протекания, с указанием на завершенность. Евгений Заболотный отдает предпочтение конкретным существительным при разговоре о сферах деятельности: застройщики, фирмы, строительство, а в беседе о личной жизни активно обращается к абстрактным понятиям: терпение, история, чувства, занятость, культура, искусство, развитие [2].

Публичные выступления Е.Б. Заболотного отличает сложный синтаксический строй, в котором преобладает сложное синтаксическое целое, позволяющее передать причинно-следственные отношения, исчерпать предмет сообщения, сделать его информационно насыщенными. Стремление к лаконичности и точности выражения мысли побуждает к использованию простого осложненного предложения: «Я пришел в академию, имея уже богатый опыт работы в вузе» [2]. Из односоставных предложений доминируют безличные и инфинитивные, в которых акцент сделан на действии, а не на деятеле: «Несколько домов пришлось достраивать»; «ближе к лету дом сдадим», «работа будет сделана вовремя» [2].

Из жанров политического дискурса для «общения с народом» Евгений Борисович Заболотный отдает предпочтение интервью-разговору по актуальным вопросам, позволяющему получить дополнительную информацию. По частотности использования доминирует интервью-портрет, позволяющий сфокусироваться на герое, посредством предметов, деталей раскрыть личность, при этом приоритет отдается выяснению социально-психологических, эмоциональных характеристик интервьюируемого, выявлению его системы ценностей: Вы знаете, давать советы — очень неблагодарное дело. Надо просто дарить детям любовь, сохранять семью — это и есть лучший пример для них. А в нашей семье принято бережно относиться друг

к другу и поддерживать семейные ценности. Мы часто собираемся за одним столом, дети в выходные приезжают к нам, чтобы вместе провести время, порадоваться тому, как растут внуки [2].

Характеризуя коммуникативную личность вице-губернатора Е.Б. Заболотного, следует отметить, что в речи политик допускает отступления от норм современного языка: слова-паразиты, тавтологию, неуместное использование слова, нарушение временно-видовой сочетаемости, стилевое смещение: Первым этапом мы не затрагивали сам аэровокзал, мы вели все подготовительные работы и работали над сетями, для того чтобы обеспечить всей необходимой инфраструктурой новый, современный аэровокзальный комплекс. И вторая часть этой работы, она, безусловно, очень трудная, мы, в свою очередь, разделили ее на три пусковых комплекса и планомерно выполняем. После того как она будет сделана, мы приступим, в 16 уже году, к окончательным работам, ко второй части вот центрального комплекса, где будет зал вылетов. Поэтому, конечно, строителям достаточно трудно приходится работать, но тем не менее все планы, которые мы перед ними сверстали, они реализуются достаточно успешно [2]. И если я не имею необходимых знаний в строительстве дорог или гражданском строительстве, у меня, по крайней мере, пока хватает ума не учить людей строить [2].

Изучение речевого имиджа вице-губернатора Тюменской области Евгения Борисовича Заболотного на основе анализа лексического, морфологического и синтаксического строя политического дискурса позволяет сделать следующие выводы. В выступлениях регионального политика наблюдается умелое сочетание ресурсов разговорной речи, деловой речи, лексический пласт строительной сферы — профессиональной лексики или терминов, прием языковой игры, обращения к историческим примерам и паремическому фонду русского языка. В речи наблюдается стремление к лаконичности выражения мысли, что обуславливает морфологический строй, сложный синтаксический строй публичных выступлений, прослеживается высокая адаптивность к новым коммуникативным условиям. Речь Евгения Борисовича Заболотного выступает как инструмент продвижения идей политика и его взаимодействия с электоратом.

Библиографический список:

1. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 82–92.
2. Интернет-журнал «tmn» [Электронный ресурс] Вып. 5 авг. 2013. — Режим доступа: <http://1tmn.ru/persons/interview/fundamentalnaya-politika-intervyu-s-4117327.html>
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2010.
4. Осетрова, Е. В. Речевой имидж : учеб.-метод. пособие / Е. В. Осетрова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. — 104 с.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОРЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА**

Э.О. Гаврикова

E.O.Gavrikova

Тюменский государственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РЕЧИ ГЕЙМЕРОВ

MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN GAMERSJ SPEECH

Аннотация: В статье описываются особенности речевого поведения геймеров и факторы, их определившие, анализируются причины высокой экспрессивности коммуникации в онлайн-играх, приемы и средства выражения оценки. Стилистическому и словообразовательному анализу подвергаются окказиональные эмотивы, определяются продуктивные способы образования сленговых новаций, среди которых доминируют семантические деривации и заимствования, что свидетельствует о престижности иноязычного слова в субкультуре, интернациональном характере увлечения и процессах глобализации, протекающих в современном мире.

Annotation: This article reveals peculiar gamers speech behavior of features and the factors determining them, analyzes the causes of high expressive communication in online games, evaluation tricks and tools. Occasional emotive Stylistic and word-formation point of view are analyzed. The productive methods of slang innovations formation are determined among which ominate semantic derivations and borrowings. The tendency indicates the prestige of foreign words in the gamers subculture, international character of this addiction and globalization processes in the world.

Ключевые слова: онлайн-игра, геймер, сленг, криптографичность, вербальные стереотипы, оценочное суждение, окказиональные эмотивы, семантические дериваты, заимствованные слова.

Key words: Online game, gamer, slang, cryptography, verbal stereotypes, evaluation, ocssional emotives, semantic derivates, borrowings.

Одна из фундаментальных идей лингвистики второй половины XX в. — антропоцентричность языка — порождает интерес исследователей к языковой личности, моделированию языковой картины мира отдельной возрастной, этнической или социальной группы. С развитием высокоскоростного интернета и современных графических технологий распространенным способом проведения свободного времени стали онлайн-ролевые игры, которые, согласно экспертным исследо-

ваниям, ежегодно увеличивают в среднем на 5% количество своих сторонников. На данный момент в зависимости от уровня техники, тематических и игровых предпочтений существует большое количество виртуальных сообществ геймеров — игроков, много времени проводящих за онлайн-играми и интересующихся ими на протяжении многих лет. Следовательно, лингвистическое описание окказиональных средств оценки, используемых геймерами, безусловно, представляет актуальным, поскольку выступает источником и средством распространения сленговых новаций.

Интернет-пространство — активно развивающаяся коммуникативная среда, новая языковая подсистема, находящаяся в процессе становления и оказывающая активное влияние на культуру и язык, имеющая установку на речевую свободу и языковой эксперимент, характеризующаяся множеством языковых кодов.

Компьютерные игры обладают криптографичностью (собственной системой условных названий предметов, команд, мест, характеристик лица), что позволяет дифференцировать своего от чужого, в условиях стремительно развивающегося действия экономить время и речевые усилия за счет свертывания больших объемов информации, способствует формированию вербальных стереотипов субкультуры сообщества, сигнализирующих о типах межличностных связей и форм коммуникации.

Для обозначения выполняемой роли в игре геймеры используют следующие выражения: ддшник (от dd — damage dealer — наноситель урона) — игрок, наносящий урон, саппорт (от support — поддержка) — игрок поддержки, хил (от heal — лечить) — игрок, восстанавливающий здоровье игрового персонажа, танк (от tank — танк) — игрок, отвлекающий внимание противников на себя. Таким образом, для обозначения производителя действия в онлайн-играх активно используется транслитерация, позволяющая передать иноязычное слово средствами родного языка, а также суффиксация транслитерированного слова (суффикс -ник обозначает лицо по свойству или признаку, который определяет его отношению к предмету или занятию), что свидетельствует об адаптации иноязычного слова языком-реципиентом. Обилие английских слов в коммуникации игроков свидетельствует как о знании языка, престижности иноязычного слова в субкультуре, так и об интернациональном характере увлечения и процессах глобализации, протекающих в современном мире.

Объединение и сближение игроков для достижения цели, интерактивность, высокий темп игровых действий, сопровождающийся накалом страстей и эмоций, иллокутивное намерение — повлиять на игрока и побудить его к принятию и реализации эффективных решений — объясняет высокую экспрессивность коммуникации геймеров.

По мнению Н.Н. Кузнецовой, экспрессивность — «выражение субъективного отношения к предмету речи, нарушающее стандартные представления о нем либо за счет возможностей системы язы-

ка, либо за счет нарушения языковых норм, достигающееся особым выбором средств различных уровней, который способствует наиболее полному воплощению замысла автора и — одновременно — наиболее точному его пониманию реципиентом речи» [2]. В.Н. Телия утверждает, что специфику экспрессивно окрашенного значения составляет как способность сигнализировать о ценностном отношении говорящего субъекта к миру, так и производить прагматический эффект [3, с. 18].

Оценивая мастерство игрока, геймеры используют следующие окказиональные эмотивы: noob (новичок, человек не имеющий достаточного опыта в какой-то сфере), newbie (новичок, зеленый, жарг. начинающий пользователь), slacker (прогульщик, халтурщик, бракодел, комп. ламер), pro (от professional — профессионал, специалист), imba (от imbalanced — высокая положительная характеристика), ls (от low skill — не требующий особых навыков, новичок), нуб, нубяра, дно, рак, криворукий, убитый, ушлепок, аутяра, щегол, мясо — унижительные прозвания неопытных или неумелых пользователей видеогр, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к неудачникам, демонстрации превосходства над другими. Заметим, что оценочное суждение вызывает не интеллект игрока и его умение оперативно установить опасность положения, принять тактически правильные решения в стремительно изменяющейся ситуации, а скорость подачи команды, уровень развития мелкой моторики. Для оценки высокого уровня мастерства геймеры используют жаргонные слова красава, красавчик, круто, а также оценочную лексику лучший, супер. Отмеченное языковое смещение, попеременное пользование разными языковыми кодами является подтверждением мультикультурности субкультуры, изменением роли говорящего, позволяющей абстрагироваться от произошедших событий и дать им и участникам оценку, обстановки и условий коммуникации (эмоциональное нагнетание сменяется разрежением ситуации).

По мнению В.Н. Телия, экспрессивно окрашенная лексика — результат вторичной номинации по преимуществу. Внутренняя форма является тем звеном, которое соединяет ценностную ориентацию говорящего субъекта с объективной действительностью. Экспрессивно окрашенная лексика «экономична», т. е. в ее использовании отражается тенденция к экономии речевых средств. Причина — в таких словах совмещаются номинативная и прагматическая функции, а условием коммуникативно-прагматического успеха является апелляция к эмоциональному восприятию сообщения, что обычно достигается за счет его образности [3, с. 13–14].

Среди средств выражения оценки доминируют семантические дериваты. Сленговые слова, передающие оценочное суждение, образованы от слов литературного языка посредством семантической деривации — метафорического переноса, построенного по узуальным моделям, имплицитующим иронию и насмешку: признак —

носитель признака (рак, криворукий, убитый, мясо, щегол — лексемы, обозначающие плохого игрока, неудачника), а также метонимии: носитель признака — место обитания (дно).

Пренебрежительное значение, представленное в корневых семах слов аутяра, нубяра, подчеркивается суффиксом -яр, служащим для обозначения лица, производителя действия, который сопровождается окончанием *a*, переводящим слово в женский морфологический род, что усиливает оценку отрицательного характера, служит средством выражения пренебрежительного выражения, осуждения.

Грубую оценку выражает бранное жаргонное слово ушлепок, обозначающее никчемного человека, вызывающего неодобрение своим поведением.

Стилистическим приемом выражения оценки выступает персонификация. Личные имена игроков, регулярно демонстрирующих плохую игру, выступают в качестве нарицательных.

Речь геймеров нередко сопровождается нарочитой, деструктивной, экзальтированной лексикой, которая, с одной стороны, выступает формой словесной агрессии, направленной на нерадивого игрока, с другой стороны — непристойные выражения являются средством снятия эмоциональной напряженности, эмоциональной оценкой протекающих событий.

Итак, сближение участников речевого общения для достижения цели, небезразличное отношение к происходящему, иллюзивность намерения, большая скорость принятия решения, противостояние и агрессивные способы достижения успеха обуславливают высокую оценочность ситуации и действий участников взаимодействия. По мнению А. Вербицкой, одной из русских культурных ценностей является открытое неконтролируемое проявление эмоций [1, с. 121]. Окказиональные эмотивы, используемые геймерами, отличаются лаконичностью (длина лексем не превышает трех слогов), обусловлены скоростью обмена информацией. Для троллинга используется сниженная лексика с грубой фамильярной стилевой окраской, выражающая презрительное отношение к неудачникам. Окказиональными средствами выражения эмоций выступают заимствования из английского языка, иноязычные слова, адаптированные русской словообразовательной системой, слова русского языка, употребленные в переносном значении, повышающие престижность говорящего.

Библиографический список:

1. Вербицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вербицкая. — Москва : Русские словари, 1997. — 411 с.
2. Кузнецова, Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века : дис. на соиск. учен. степ. док. филолог. наук / Н. Н. Кузнецова. — Москва, 2010. — 594 с. — URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01004803311> (дата обращения: 17.02.2016).
3. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1986. — 141 с.

А.В. Тарасенко

A.V. Tarasenko

Южно-Уральский государственный университет

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА НА СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

THE IMPACT OF MODERN MEDIA ON THE STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация: *В данной работе мы рассмотрели причины трансформации русского языка в современном медиаобществе. Нами проведен анализ влияния интернета на изменения в устной и письменной речи молодежи, а также определены причины этих изменений. Мы выявили виды используемых в речи молодых людей заимствований. Рассмотрели направления музыки как фактор появления американизированных слов в коммуникативном пространстве современного общества.*

Annotation: *In this work we have considered the reasons for the transformation of the Russian language in the modern medicalwaste. We have reviewed the impact of the Internet on changes in speech and writing of young people and identified the reasons for these changes. We have identified the types used in the speech of young people borrowing. Considered music as a factor in the emergence of Americanized words in communicative space of modern society.*

Ключевые слова: *русский язык, заимствования, интернет, социальные сети, музыка, рэп.*

Key words: *Russian language, borrowing, internet, social network, music, rap.*

В современном мире люди существуют в медиапространстве, даже если активно пытаются избегать контакта со СМИ, социальными сетями и сотовой связью. Большую часть информации общество черпает из электронных источников, все меньше обращаясь к печатным носителям. Также изменяются средства коммуникации. Для связи все больше используют интернет-сервисы и приложения, нежели чем сотовую связь, и тем более домашние телефоны. Объясняется это просто: удобно и выгодно.

Компьютеризация охватила общество два десятилетия назад и на протяжении условно 20 лет происходит активная трансформа-

ция языка. Во-первых, это связано с падением Советского Союза, и, соответственно, падением поставленных коммунистическим правительством рамок коммуникации, связанных и с ограничением тем для общения, и с употреблением определенных слов. После развала СССР, а затем с появлением свободного доступа к сети Интернет люди начали активно использовать неизвестные ранее выражения, заимствовать иностранные словосочетания для выражения новых идей в запрещенных ранее темах. Во-вторых, данное явление объясняется глобализацией, которая завладела современным информационным обществом, так как у людей появилась возможность легко, быстро и зачастую без ограничений передавать информацию в любую точку мира, и получать ответ в режиме реального времени.

Существующее ныне информационное общество характеризуется обилием информации и скоростью ее передачи. Изменились рамки понятия «оперативно», так как актуальность новости теперь иссякает намного быстрее, чем в прошлом веке. Люди хотят получать как можно больше информации, и желательно получать ее как можно быстрее. Все работают по принципу: «Узнал первый — молодец!». Из-за ценности информации люди стараются получить ее задолго до остальных, чтобы затем поделиться своими знаниями. Так ускоряется цикл коммуникации. Но эта скорость плохо влияет на состояние языка, так как важно не насколько грамотно это будет сказано или написано, а насколько быстро и быстрее ли всех. С появлением социальных сетей и свободного доступа к ним со смартфонов современная молодежь все больше времени проводит общаясь виртуально. На улицах, в кафе, в общественном транспорте можно заметить тенденцию «сидения в телефоне». Разработчики программного обеспечения предлагают все больше альтернативных сервисов для связи, приложений к различным социальным сетям или обособленных приложений для коммуникации.

Каждый сервис предлагает различные функции, какие-то функции в последствии совмещаются в одном приложении для удобства пользования и популяризации какой-либо сети. Общение посредством данных сервисов происходит мгновенно, информация передается за секунду и люди стараются отправить набранное сообщение как можно скорее. При этом страдает грамотность написания. Самая распространенные ошибки — пунктуационные. Зачастую молодежь просто не ставит никаких знаков препинания, предпочитая вместо них переносить текст на следующую строку или отправлять фразы отдельными сообщениями.

Также часто допускаются грамматические и орфографические ошибки, не говоря уже о речевых. Стоит отметить тенденцию умышленного изменения слов. «Олбанский йезыг», иначе говоря, язык рунета с искажением слов, актуализировался в начале 2000-х годов.

Сейчас продолжает развиваться. Изначально представлял собой намеренное сильное искажение слов, иногда до неузнаваемости. Например: «медвед», «зайчег», «низачот» и так далее. Сейчас представляет собой чуть менее значимое искажение, которое используется для усиления эмоционального значения слова. Также используются непринятые сокращения, что также появилось из-за ускорения коммуникационного процесса. Например: «оч» (очень), «лан» (ладно), «ктр» (который), «всм» (в смысле), «кст» (кстати) и так далее.

Большое влияние оказывает такое явления как «мемы». Данное понятие предложил Р. Докинз в книге «Эгоистичный ген», где термин рассматривается как любая идея, символ или манера, осознанно или неосознанно передаваемая в обществе. С компьютеризацией появился новый термин «интернет-мем» — медиа объект, как правило с остроумным и ироническим контентом, стихийно приобретающий популярность среди пользователей сети. Это могут быть слова, фразы, картинки, которые спонтанно распространяются по всемирной сети и люди пользуются ими в переписках и даже устной речи. Самые распространенные мемы: «LOL», «Узбагойзя», «Дратути», «Хеллёу», «Памагити», «Это хоть че такое-то!» и так далее. Употребление неграмотных и зачастую нарушающих все правила русской речи выражений входит в привычку. Более того, говорить самые популярные выражения из мемов даже становится модным.

Также причиной трансформации современного русского языка становится европеизация, подражание западу, а соответственно, и заимствования из других языков. Процесс перехода слов из одного языка в другой обычное явление, такое происходило, происходит и будет происходить. Вопрос в количестве заимствований и их качестве. Первая волна заимствований с английского языка принесла в русскую речь слова, не имеющих в русском языке аналогов. Либо такого понятия ранее не существовало, либо данное понятие нельзя отразить в полной мере русской речью. Так, в обиход начали входить такие понятия, как «маркетинг», «лизинг», «онлайн», «айфон», «смартфон» и так далее. Большинство таких слов относятся как раз к сфере информационных технологий. Такие понятия уже становятся устоявшимися, ими начинает пользоваться большое количество людей, и практически все знают их значение. Есть два основных способа заимствования иностранных слов:

Полное; когда слово полностью переходит в русский язык и используется как иностранный эквивалент: топ-модель, прайс-лист, дайджест.

Частичное; когда слова терпит изменения. Обычно изменение аффиксального характера и связано с добавлением приставочного или суффиксального аффикса: загуглить, чиллить, лайтовый, топовый.

Некоторые такие выражения могут быть заменены русскими аналогами, но молодежь предпочитает пользоваться иностранными. Это объясняется как скоростью в информационном обществе, так и мо-

дой. Первое объясняется сокращением времени написания и произношения заимствованных выражений, так как зачастую данные слова короче. А вот второе — это уже влияние западного общества и моды, которая привносит в русскую культуру нетипичные ранее тенденции.

Кроме социальных сетей и коммуникации на просторах интернета на состояние русской речи влияет музыка. Как и в любые времена люди не обходятся без прослушивания любимых треков. С развитием технологий на радио появляется все больше музыкальных волн, многие радиостанции начинают вещать в интернете, появляется возможность скачивания аудиоматериала с сайта на компьютеры и смартфоны. Музыка окружает нас везде: в кафе, в транспорте, дома, на работе. Зачастую о музыке ведут беседы, а среди молодежи появляется все больше компаний, где связывающим звеном является интерес к определенным музыкальным направлениям. Разбираться в современном музыкальном рынке модно. А значит, данная сфера будет активно влиять на общественную жизнь, а значит и на язык общения молодежи.

Период конца XX — начала XXI века ознаменовался популяризацией электронной танцевальной музыки и рэпа. Распространение данных музыкальных направлений охватило сначала Америку и Европу, а теперь и Россию. И если EDM в меньшей степени будет влиять на язык, то рэп как раз будет играть большую роль. Тексты современных русских рэп-музыкантов наполняются американскими заимствованиями, потому что все виды данного стиля зародились в разных частях Америки. При частом прослушивании тексты песен волей-неволей остаются в памяти и проигрываются даже тогда, когда человек данный трек не слушает. Причиной тому рифма, музыкальность и простота рифмовки. Отсюда в речи современной молодежи начинают появляться слова, заимствованные русскими рэперами у американских.

Так в русскую речь молодежи попали слова:

— «хайпить», «быть на хайпе» (знач.: поднимать шум вокруг чего-либо или кого-либо);

— «флексить», «низкий флекс» (знач.: тусоваться, попадать в такт музыке);

— «бэнкролл» (знач.: деньги в азартных играх);

— «скилл» (знач.: умение, навык);

Процесс трансформации языка — природный процесс. Проблема возникает при его стихийности и неуправляемости. Тогда в язык начинают попадать слова и выражения, снижающие уровень языка. Они делают его простым, полным жаргонов и сленга. За данным процессом нужно следить, чтобы русский язык со временем не начал растворяться в море заимствований и сниженной лексики и в конце концов не пропал вовсе.

Библиографический список:

1. Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке : история и перспективы : пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. — Владивосток : Диалог-МГУ, 1997.
2. Данн, Дж. А. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца / Дж. А. Данн. — 2009. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dann-09.htm>
3. Лосева, Н. С. Трансформация русского языка как показатель лингвокультурной компетенции молодежи / Н. С. Лосева. — 2014. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-russkogo-yazyka-kak-pokazatel-lingvokulturnoy-kompetentsii-molodezhi>

*Ю.С. Сизова**Y.S. Sizova**Тюменский государственный институт культуры*

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ

THE RULE OF CULTURAL AND HISTORIC ENVIRONMENT REGIONAL CULTURAL PROCESSES

Аннотация: *В статье рассматривается феномен интернет-сленга, его внедрение в повседневную жизнь людей. В статье приведены примеры наиболее употребляемых сленговых слов.*

Annotation: *This article discusses the phenomenon of the Internet slang, its implementation in people's daily routine. The article presents examples of the most used slang words.*

Ключевые слова: *интернет-сленг, слово, сообщение, социальная сеть.*

Key words: *Internet slang, word, communication, social network.*

В XXI веке виртуальное общение становится неотъемлемой, если не обязательной частью жизни каждого человека. Современные реалии заставляют нас двигаться в постоянно ускоряющемся темпе, а между беседой и написанием сообщения, мы выбираем второе. По этой причине мы не пренебрегаем быстрыми способами передачи информации: сообщения в социальных сетях, «эсэмэски», чаты, твиты. Мы не замечаем, насколько плотно в наш повседневный обиход входят слова и выражения, которые появляются благодаря новым средствам коммуникации. Данной группе риска чаще всего подвержена молодежь, так как является самой многочисленной группой пользователей интернета.

Интернет-сленг — это уникальный феномен, который изучается с момента его появления.

Это незначительная часть языка, претерпевающая постоянные изменения во времени и не имеющая определенных правил [1]. Интернет-сленг отражает специфику определенного поколения, места и группы пользователей. На данный момент основным носителем этой части языка является молодежь.

Молодые люди предпочитают общаться через популярные социальные сети, порой, используя слова, смысл которых остается не-

понятен для старшего поколения. «Гуглить», «го», «мем», «кек», «лол» — это культура современного поколения, которая понятна только им. Диалоги, построенные на употреблении новых слов, становятся нормой и обыденностью. Чаще всего это связано с удобством и быстротой их использования. Например, слово «го», которое возникло при помощи транслита, означает «идти». Оно гораздо удобнее в использовании и несет в себе эмоциональную окраску. Использование этого слова в качестве глагола «идти» сокращает дистанцию между пользователями социальных сетей, тем самым сближая их и делая их общение менее официальным. Данная замена нашла свое отражение не только в письменной форме русского языка, но и перешла в разговорную форму. Это опасно тем, что постепенно молодые люди отвыкнут от литературной языковой нормы и перестанут вовсе ее воспринимать.

Еще одним ярким примером интернет-сленга, который нашел свое место за пределами всемирной паутины, является «фейспалм». Изначально данное название носила картинка, на которой изображен человек, прикрывающий лицо ладонью. Она выражала полное недовольство чем-либо или же негодование, стыд. Дословный перевод с английского *face* — лицо, *palm* — ладонь. С появлением этой картинки выражать эмоции стало проще. Пользователи в подходящей ситуации отправляли «фейспалм» адресату. С течением времени из простого изображения данное выражение переключалось в разговорную форму. Теперь все чаще это словосочетание, которое существует в разных переводах, можно слышать на улицах, в учебных заведениях, школах.

Для выражений эмоций повсеместным стало использование различных слов, смысл которых на первый взгляд не ясен. В наше время выразить смех в сообщениях в социальных сетях стало очень просто. Достаточно употребить «азаза», «лол» или «кек». Даже эти интернет-слова имеют свою эмоциональную окраску. Например, «лол» означает «громко смеюсь», а «кек» — ехидную насмешку. Со словом «азаза» немного труднее. Первоначально считалось, что это междометие в интернет-сленге появилось из-за опечатки. Смех обычно выражался через «ахаха». Буква «з» расположена рядом с «х», и потому многие пользователи для быстроты отправки сообщения не исправляли ошибку. В дальнейшем «азаза» укоренилось в качестве основного обозначения смеха.

С появлением новых социальных сетей в лексикон пользователей интернета входят новые слова. Популярная сеть Instagram считается сокровищницей для интернет-сленга. Такие слова, как «селфи», «лук», «лифтолук», «лайк», все чаще используются не только в сети. Вместо привычного «нравится» мы можем услышать «лайк». Переключаясь из привычной среды, это слово стало удобной альтернативой для многих людей. «Селфи» заменило привычное для всех

«фотографироваться». Стоит сказать, что данное сленговое слово получило свое распространение по той причине, что ему не нашлось аналога в русском языке. Нам знакомо слово «фотографироваться», что значит запечатлеть кого-то на камеру, но «селфи» означает фотографирование себя. Нет такого слова в русском языке, которое наиболее точно передает смысл этого действия. По этой причине мы употребляем слово «селфи», что буквально переводится как «себя». Русские аналоги этого слова звучат непривычно для многих. «Самострел», «себяшка» не нашли отклика у большинства людей.

Интернет-сленг — это массовое явление, распространение которого является неизбежным переходом в век технологий и внедрения их в повседневную жизнь людей. Этот процесс не является опасным до тех пор, пока большинство людей осознает, что использование слов данной части русского языка не должно заменять русскую литературную норму. Слова, которые уместны лишь в интернет-переписках, должны оставаться частью одной среды и не выходить за ее пределы.

Библиографический список:

1. Левикова, С. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия [Электронный ресурс] / С. Левикова // Бытие и язык. — Новосибирск, 2004. — С. 167–173. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/levikova-04.htm> (дата обращения: 31.01.17)

Сведения об авторах

- Андреева Яна Евгеньевна** — студентка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
- Багирова Елена Петровна** — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
- Байдуж Людмила Максимовна** — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.
- Белякова Светлана Михайловна** — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
- Гаврикова Элина Олеговна** — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
- Калабина Анна Владимировна** — студентка Тюменского государственного университета
- Марандина Елена Леонидовна** — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
- Нехаева Ираида Николаевна** — доцент, доктор философских наук, доцент кафедры фортепиано и концертмейстерства Тюменского государственного института культуры
- Орлова Венера Ильдусовна** — студентка Тюменского государственного университета, Институт филологии и журналистики
- Разумкова Надежда Васильевна** — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета; эксперт по русскому языку Цюйфуского педагогического университета (Китай)
- Рытикова Юлия Борисовна** — старший преподаватель кафедры актерского искусства факультета музыки, театра и хореографии Тюменского государственного института культуры
- Сизова Юлия Сергеевна** — студентка факультета журналистики Социально-гуманитарного института Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
- Тарасенко Александра Владимировна** — студентка Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
- Тютин Дарья Дмитриевна** — студентка Тюменского государственного университета, Институт филологии и журналистики

**Новинки редакционно-издательского центра
Тюменского государственного института культуры**

1. Гордиенко, А. В. Среднее Зауралье в эпоху раннего Средневековья : монография / А. В. Гордиенко. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 230 с.
2. Захарова, Л. Н. Сборник упражнений по теории и истории эстетики : учеб. пособие / Л. Н. Захарова, Ф. А. Селиванов. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 128 с.
3. Кононова, Т. М. English for science : учебник / Т. М. Кононова, С. С. Ситёва. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2015. — 170 с.
4. Лёзин, В. А. Реки и озера Тюменской области : Заводоуковский, Омутинский, Упоровский, Юргинский районы : энциклопед. словарь / В. А. Лёзин. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 164 с. ; 40 с. ил.
5. Лёзин, В. А. Реки и озера Тюменской области : Казанский и Сладковский районы : энциклопед. словарь / В. А. Лёзин ; под ред. И. В. Ивачёва. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 220 с. ; 32 с. ил.
6. Лицорова, С. А. Основы педагогической инноватики : учеб. пособие / С. А. Лицорова. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 202 с.
7. Лосинская, А. Ю. Специфика игрового начала в ролевой субкультуре : монография / А. Ю. Лосинская. — Тюмень : РИЦ ТГАКИиСТ, 2015. — 222 с.
8. Основы музеологии : учеб. пособие / сост. В. И. Семенова. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 72 с.
9. Шапалов, В. Н. Искусство модерна в странах Европы и США : учеб. пособие / В. Н. Шапалов, Л. В. Шацких. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2015. — 280 с. ; 92 с. ил.
10. Экспозиционная работа : учеб. пособие / сост. В. И. Семенова. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 72 с.

**Требования к материалам,
представляемым к публикации в научном журнале
«Вестник Тюменского государственного института культуры»**

К печати принимаются материалы, содержащие результаты ранее не публиковавшихся самостоятельных научных исследований авторов. Тематика публикаций должна отвечать направлениям «Вестника» (в присланных материалах необходимо указывать название направления журнала).

Магистранты должны предоставить письмо-рецензию, подписанное научным руководителем.

О материале, отклоненном от публикации, редакция сообщает автору.

Рукописи не возвращаются.

Рукопись в электронном виде направляется на электронный адрес nauka_tgaki@mail.ru

Параметры представляемых материалов: объем статьи не должен превышать 15 страниц (40 тыс. знаков, включая пробелы и библиографический список); формат А4, поля с каждой стороны — 2 см, межстрочный интервал — 1,5, кегль — 14, абзацный отступ — 1 см, расширение документа *.doc.

Нумерация страниц не ставится. Табуляция, принудительные переносы, увеличенные интервалы между абзацами не используются, не должны представляться лишние пробелы и пустые абзацы. Между инициалами и фамилией необходимо проставлять пробел, например: И.И. Иванов.

Файл может содержать таблицы. Они набираются 14 кеглем через один интервал без заливки.

Графики, рисунки, иллюстрации, диаграммы и др. прилагаются в электронном виде отдельным файлом; они должны быть качественными, четкими, все надписи должны хорошо просматриваться (шрифт Times New Roman).

Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

□ *на русском языке:* УДК (индекс универсальной десятичной классификации); заголовок (название) статьи; фамилия, имя, отчество автора (авторов — в алфавитном порядке); полное название организации — места работы автора (авторов); должность, звание, ученая степень автора (авторов); адрес электронной почты автора (авторов); контактный телефон и почтовый адрес; аннотация (объем не более страницы); ключевые слова или словосочетания (5–7); текст статьи; пристатейный библиографический список.

□ *на английском языке (перевод):* фамилия, имя автора (авторов); полное название организации — места работы автора (авторов); название статьи; аннотация; ключевые слова.

Статья должна быть написана в научном стиле, четко, ясно, без повторов, и тщательно выверена.

Сокращения слов (аббревиатуры) допускаются для повторяющихся в тексте ключевых выражений или для часто употребляемых терминов, при этом все сокращения должны быть сначала приведены в статье полностью. Количество сокращений не должно быть более 5–6.

Таблицы и рисунки должны быть построены наглядно и иметь название; их заголовки — соответствовать содержанию граф, все цифры в таблицах — тщательно выверены автором.

Материал научной статьи должен быть выстроен в логической последовательности, которая предполагает:

- постановку проблемы и анализ существующих подходов к ее решению;
- описание методического замысла и процедуры его реализации;
- обоснование основных исследовательских результатов и их научную интерпретацию;
- формулирование основных теоретических выводов и их аргументацию;
- разработку конкретных рекомендаций для работы специалистов в соответствующей сфере.

Список источников и литературы должен содержать не менее 5 позиций.

Ссылки на источники и литературу в тексте должны быть указаны в квадратных скобках [номер источника по библиографическому списку], в случае дословного цитирования источника необходимо указывать номера цитируемых страниц [номер источника по библиографическому списку, номера цитируемых страниц]. Например: [3; с. 15].

Источники в пристатейном библиографическом списке следует составить в алфавитном порядке и пронумеровать; каждый оформляется с новой строки. В списке перечисляются только те источники, ссылки на которые приводятся в тексте.

Библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.12003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», описание электронных ресурсов — по ГОСТ 7.822001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления». Сокращение слов в библиографической записи на русском языке производится строго по ГОСТ 7.122011 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Источники на иностранных языках приводятся после отечественных. Фамилии иностранных авторов даются в оригинальной транскрипции.

За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы.

Все представленные работы редакция журнала направляет на рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Статья, нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента.

Автор должен учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний; в случае несогласия с рецензентом кратко и четко обосновать свою позицию.

Адрес редакции

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19, каб. 301

Тел./факс: (3452) 29-70-64

E-mail отдела по научной работе и аспирантуре:

nauka_tgaki@mail.ru

**ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ**

**HERALD
OF TYUMEN
STATE
INSTITUTE
OF CULTURE**

01 (07) / 2017

Подписано в печать 23.10.2017 г.
Формат 70x108/16. Гарнитура «SchoolBook»
Печать цифровая. Бумага белая 80 г/м³
Усл.-печ. л. 10,23. Заказ № 127. Тираж 300

Редакционно-издательский центр
Тюменского государственного института культуры
625049, г. Тюмень, Московский тракт, 41
e-mail: kniga102@gmail.com